ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Четверг, 20 мая 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 27 (663)

Возрожденное искусство

Завтра в Москве начнется декада узбекского искусства. Посланцы Узбекистана, возрожденного Великой социалистической революцией, покажут достижения всех видов искусства своего народа. Уже прибыли в Москву сотни участников декады узбекского искусства. Среди них коллектив музыкальной драмы, певцы, танцоры, бахши — народные сказители, драматурги, писатели, поэты. Мы увидим на сцене филиала Большого академического театра СССР лучшие произведения искусства узбекского народа — «Саиль», инсценировку, отображающую прошлое и настоящее этого замечательного народа, музыкальную драму «Гюльсара» — рисующую современную колхозную жизнь Узбекистана, и музыкальную драму «Фархад и Ширин», созданную по мотивам узбекского эпоса.

Народ, веками угнетаемый эмирами, ханами, баями и царскими колонизаторами, за двадцатилетие Великой социалистической революции прошел гигантский путь развития. До Великого Октября в Узбекистане не было своей промышленности, а теперь уже насчитывается более 50 крупных фабрик и заводов, среди них такие, как ташкентский текстильный комбинат им. т. Сталина, заканчивающийся строительством комбинат Чирчикстрой. Из года в год Узбекистан, являющийся основной хлопковой базой СССР, расширяет посевные площади, повышает урожаи хлопка, освободив СССР от необходимости ввозить хлопок из-за границы.

В борьбе за построение социалистического общества Узбекистан выковал свои кадры технической интеллигенции. Правильная ленинско-сталинская национальная политика обеспечила развитие социалистической по содержанию, национальной по форме узбекской культуры.

Узбекская советская литература, несмотря на свою молодость, имеет ряд серьезных достижений. Текст музыкальной драмы «Гюльсара», которая в ближайшие дни будет показана в Москве, написан лучшим узбекским советским драматургом т. Яшиным. Узбекские писатели и поэты развернули широкую переводческую работу. Они знакомят узбекский народ с лучшими достижениями мировой литературы и драматургии. На узбекский язык переведены «Евгений Онегин», «Бахчисарайский фонтан», «Дубровский», «Капитанская дочка» и множество стихов Пушкина, «Демон» Лермонтова, «Женитьба», «Шинель» и другие произведения Гоголя, «Воскресение», «Кавказский пленник», «Хаджи Мурат» — Л. Толстого, «Мать», «Мои университеты», «Дело Артамоновых», «Детство» и другие произведения А. М. Горького.

Узбекский народ знаком с «Гамлетом» Шекспира, постановкой, идущей с большим успехом на узбекском языке в узбекских театрах, а также с постановкой пьесы Шиллера «Коварство и любовь». Сейчас Андижанский академический театр готовит «Отелло». Переводы этих произведений выполнены советскими писателями Узбекистана.

Эти и многие другие факты свидетельствуют, что литераторы Узбекистана живут напряженной творческой жизнью.

Но узбекские литераторы оторваны от литературной жизни братских республик. Они не получают помощи, не чувствуют руководства со стороны правления ССП СССР.

Широковещательные обещания участников узбекской бригады, организованной правлением ССП, в состав которой входили Гусев, Вера Инбер, Ермилов и другие, остались не выполненными. Переводов произведений писателей Узбекистана на русский язык организовано не было.

По-настоящему не знает литературной жизни Узбекистана правление ССП, почти никакого внимания не уделяла вопросам узбекского искусства и литературы и «Литературная газета».

Декада узбекского искусства должна явиться лишь первым толчком для начала живой и постоянной связи между литературой Узбекистана и литературой других братских советских республик.

В большом долгу перед узбекскими писателями наши русские товарищи поэты и писатели. Поэзией других национальных республик московские и ленинградские поэты интересуются (многие из них специализируются на переводах с определенного языка, таковы переводы Тихонова, Пастернака, Б. Брика, Державина с грузинского), тогда как переводами узбекских поэтов на русский язык занимаются от случая к случаю.

Бюро секции московских поэтов следует заняться этим вопросом, выделить нескольких товарищей из своей среды, прикрепив их к узбекистанскому ССП для творческой помощи и налаживания работы по переводам.

Правы были также товарищи из Узбекистана, когда они обвиняли московских критиков в том, что они совершенно не занимаются литературой Узбекистана, не помогают узбекскому ССП в руководстве литературой. В Узбекистане литературно-критической деятельностью занимаются сами поэты и писатели. Это явление положительное. Но критическая секция и национальный сектор ССП должны выделить товарищей, которые в русской прессе систематически освещали бы вопросы литературной жизни Узбекистана, помогли бы творческому росту этого крупного отряда советских писателей.

Приезд в Москву для участия в декаде посланцев солнечного и яркого искусства цветущего Узбекистана — большое событие в культурной жизни советского народа.

Мы помним декады украинского, грузинского, казахского искусств. Взаимный обмен достижениями национальных искусств оплодотворяет и поднимает нашу советскую многонациональную культуру, наше искусство к новым победам и достижениям.

Редакция «Литературной газеты» приветствует лучших представителей искусства и литературы узбекского народа, которые покажут нам в течение этой декады художественное мастерство народа, строящего под солнцем сталинской Конституции свою социалистическую культуру.

На заседании партгруппы Правления ССП

Клубок авербаховской троцкистской диверсии в литературе продолжает разматываться. Новые и новые факты вскрываются в ходе обсуждения всех вопросов и лиц, связанных со всей той гнусной борьбой против партии, которую вели авербаховцы.

Вчера партгруппа правления союза советских писателей занималась еще одной «фигурой» — двойником Киршона — Афиногеновым.

В выступлениях Фадеева, Юдина, Кирпотина, Лахути и др. этот активный участник антипартийного троцкистского литературного центра был подвергнут полному разоблачению.

Он организовывал сопротивление партийной линии в литературе, борясь против Оргкомитета и добиваясь возвращения Авербаха в литературу. Он участвовал во всех махинациях авербаховской группы. Он в журнале «Театр и драматургия», где был пригрет гнусный враг народа Пикель, где подвизались Зонин и Крути, проводил авербаховскую линию — рекламировал Киршона, выступал в защиту так называемого МХАТ второго вопреки ясным указаниям партии.

Вся деятельность Афиногенова, все его поведение, включая последнее выступление на совещании московских драматургов, показывают, что он только потому не может быть назван переродившимся, что он всегда был глубоко чужим партии человеком.

Партгруппа единогласно решила поставить перед парторганизацией, где состоит Афиногенов, вопрос об исключении его из партии, как активного участника авербаховской троцкистской группы, как человека, активно боровшегося против партийной линии в литературе, связанного на протяжении ряда лет с гнусными врагами народа.

Секретарь партгруппы правления ССП т. Ставский в своей речи поставил вопрос о настойчивом продолжении работы по разоблачению всех корешков авербаховщины.

Речь идет не только об авербаховцах.

Уже сейчас очевидно, что необходимо тщательно разобраться в деятельности «Литфронта» и его участников, в деятельности членов «Перевала», «Кузницы». Эти организации были связаны с врагами партии, и от ряда товарищей надо потребовать об'яснений их деятельности тогдашней и последующей, об их связях с врагами народа.

Ряд фактов выяснился по Ленинграду. Авербаховец Е. Добин, ныне исключенный из партии, печатал в «Литературном Ленинграде» врагов народа, был ряд лет связан с Авербахом. Ленинградский критик Лев Левин, авербаховский подручный, атаковал в своей книжке принципы и лозунг социалистического реализма.

Необходимо выкорчевать авербаховские корешки в литературных организациях братских республик. Надо призвать, в частности, к ответу Б. Буачидзе.

Продолжение заседания партгруппы правления ССП назначено на 23 мая в 12 часов дня.

УКРАИНСКИЕ ПОЭТЫ В ЛЕНИНГРАДЕ

(От нашего корреспондента)

Украинские поэты (М. Бажан, С. Голованивский, И. Кулик, А. Малышко, И. Муратов, Л. Первомайский, М. Рыльский и М. Терещенко) пробыли в Ленинграде восемь дней. Ежедневно в клубах, домах культуры, вузах, военных академиях и школах проводились вечера украинской поэзии. Выступали поэты Украины и их ленинградские переводчики: А. Прокофьев, М. Комиссарова, Н. Браун, П. Садофьев, А. Решетов, Е. Полонская и А. Крайский.

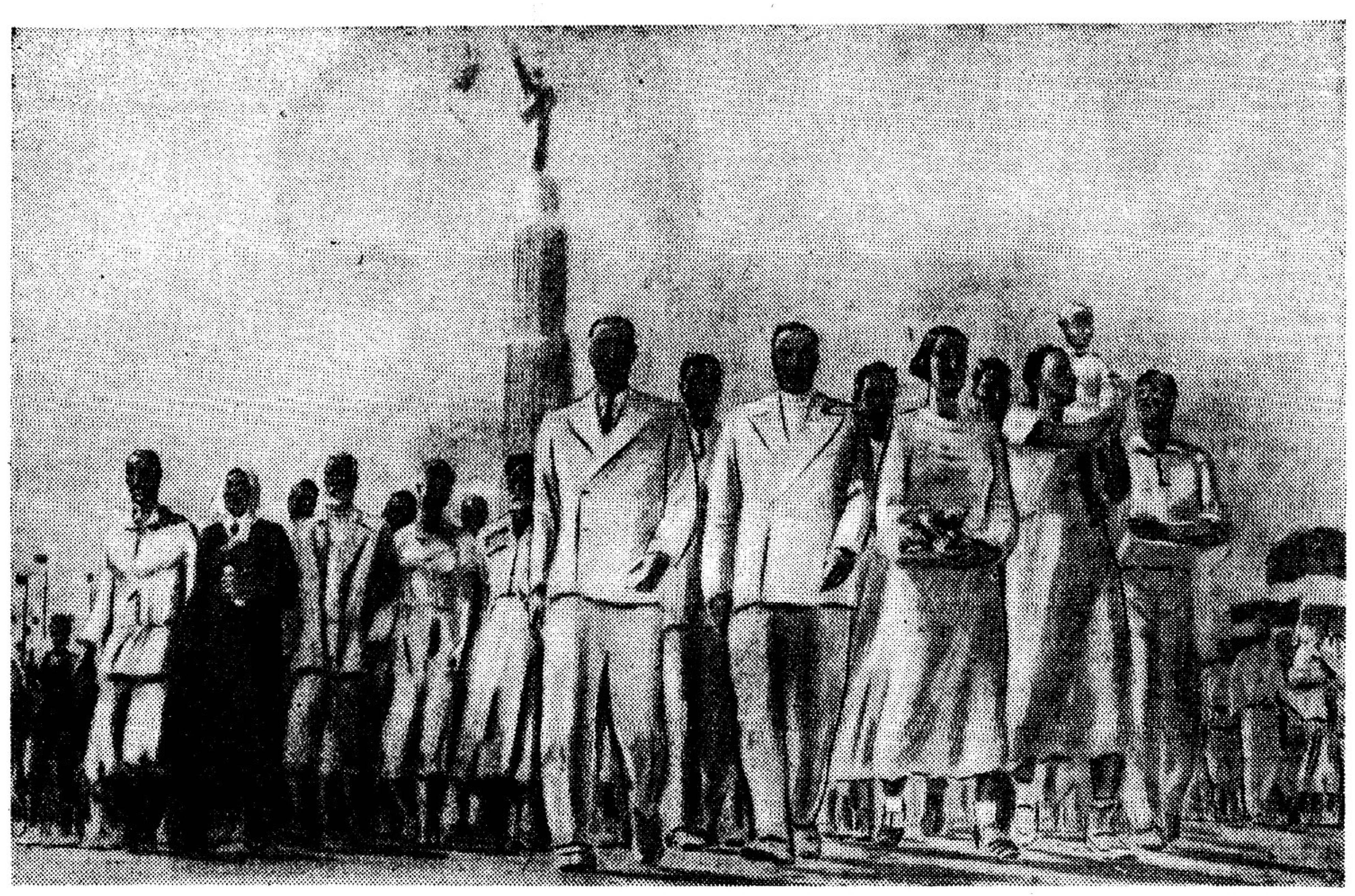
Вечера проходили с огромным под'емом. Всюду поэтам Украины устраивались шумные овации. В авиационной школе вечер закончился коллективным пением всего зала «Песни о Сталине» (слова М. Рыльского).

В день от'езда из Ленинграда украинские поэты приняли участие в заседании президиума ЛенССП, посвященном работе ленинградцев над «Антологией украинской поэзии».

Подробно останавливаясь на работе над «Антологией украинской поэзии», **т. Бажан** рассказывает о том, как бывший руководитель ССП УССР, ныне разоблаченный троцкист Сенченко, и его приспешники делали все возможное, чтобы помешать этой работе

Л. Первомайский рассказывает о решении издать на украинском языке четырехтомную антологию русской поэзии — часть большой «Библиотеки поэта», которая начнет выходить на Украине с 1938 года.

Н. Тихонов выразил удовлетворение крепнущей творческой дружбой поэтов Украины и Ленинграда.

А. Дейнека. Панно для Парижской международной выставки

ГЕРОИЧЕСКАЯ ИСПАНИЯ

Разрушение Герники

Рассказ очевидца

В Париж прибыл очевидец чудовищного уничтожения Герники — колыбели баскской культуры — аббат Альберти Зулуага и поделился с сотрудником французской коммунистической газеты «Юманите» своими впечатлениями.

Председатель баскского правительства Агире поручил баску аббату Зулуаге немедленно отправиться в Париж, чтобы дать свидетельские показания цивилизованному миру о чудовищных зверствах фашистов и изобличить гнусную клевету преступников генералов Мола, Франко и Кейпо де Льяно, нагло обвиняющих дружинников и басков в сожжении Герники при отступлении.

✸

— «В понедельник, 26 апреля, — начал посланец председателя баскского правительства Зулуага, — я узнал в Бильбао, что фашистская армия, натиск которой республиканцы сдерживали в течение шести месяцев с лишним, перешла в наступление на бискайском фронте. Я должен был спешно выехать по личному делу в Маркину, находящуюся в 50 километрах от Бильбао. Дорога на Маркину идет через Гернику. Баскское правительство представило в мое распоряжение машину, чтобы я мог отправиться за моей семьей и перевести ее в Бильбао.

Был прекрасный весенний день. Ровно без четверти пять я в'ехал в Гернику. Густая, оживленная толпа заполняла площадь. Я был поражен, с каким спокойствием наши смелые, отважные крестьяне продолжали торговать и спорить о цене быков, ягнят, лошадей. Как будто в стране нашей царил глубокий мир...

Вдруг раздался колокольный звон. Мы знаем, что это значит. В бискайских деревнях звон колоколов заменяет тревожные гудки сирен. В небе показался бомбардировочный самолет. Спокойно, не торопясь, жители города направились к убежищам, устроенным повсюду, в невысоких холмах, окружающих город. — «Это ничего, — сказал крестьянин, проходивший мимо меня. — Это «белый» (так бискайское население называет германские двухмоторные самолеты, в отличие от трехмоторных, прозванных «черными»). Он, наверное, сбросит несколько снарядов и улетит. Как они это делают каждый день»...

Но нет! «Белый» не стал сбрасывать снарядов. Под небом Герники появилась эскадрилья из семи самолетов, затем вторая — из шести, затем третья в составе пяти юнкерсов. Началась неописуемая паника...

Я вышел из машины и вместе с пятью дружинниками укрылся под деревянным мостиком, переброшенным через небольшой ручей. Я считал, что там мы будем в относительной безопасности.

Было ровно без десяти минут пять, когда самолеты — без всякого сомнения, германские — открыли пулеметный огонь. Они летали, по моему исчислению, на высоте 200 метров и обстреливали из пулеметов толпу, теперь уже бежавшую к убежищам. Слышен был страшный шум, гул и треск. На моих глазах падали старики, женщины и дети.

Таков был **первый момент** воздушного нападения на Гернику. А затем начался **второй этап.** 18 самолетов поднялись на высоту 400 метров. И посыпались бомбы... В течение часа с лишним снаряды безостановочно падали на дома Герники. Бомбардировка не прекращалась ни на минуту. Систематически, с варварской жестокостью, которую нельзя было себе даже представить, несмотря на десять месяцев гражданской войны в Испании, летчики засыпали снарядами каждое здание, не оставляя его до тех пор, пока не убеждались, что оно совершенно разрушено.

Третий этап: самолеты принялись разыскивать убежища. Всюду, где по предположениям летчиков скрывались люди, они бросали бомбы. Несколько убежищ, где теснились сотни людей, были разрушены. Этим об'ясняется огромное количество жертв. Поэтому же невозможно установить точное число их, ибо убежища, подвергшиеся бомбардировке, совершенно засыпаны землей на глубине десяти метров. Не будет преувеличением считать, что 26 апреля в Гернике погибло около двух тысяч человек.

В то время, как фашистские самолеты, подобно хищным птицам, жаждущим крови и жертв, отыскивали убежища, один из них, трехмоторный бомбардировщик, заметил мою машину, оставленную на дороге, в 50 метрах от того места, где мы укрывались. Летчик, конечно, думал, что кто-то спрятался в машине или под ней. В течение двух минут он осыпал машину бомбами, кружился вокруг нее, но не мог отыскать место, где мы укрылись. А мы, я и мои товарищи по несчастью, в этот момент нырнули в воду и притаились под водой, слегка высунув голову и наблюдая за происходящим.

И вот, наконец, **четвертая фаза** этой бойни, этого беспримерного в истории разрушения. Было около семи часов. Фашистские летчики, гнусные убийцы, снова набрали высоту. И стали сбрасывать зажигательные бомбы... Я тотчас понял смысл этой тактики. Мне казалось, что я уже слышу голос генерала Кейпо де Льяно, который завтра же возвестит по радио, что «баскские дружинники, прежде чем обратиться в бегство, подожгли исторический город Гернику». — Эта бомбардировка зажигательными снарядами длилась 35 минут, до тех пор, пока весь город не превратился в гигантский костер.

Итак, разрушение Герники и истребление двух тысяч человек продолжалось 2 часа 45 минут. У нас теперь вошло в привычку смотреть на часы во время боя для определения продолжительности его...

Когда бомбардировка кончилась и самолеты скрылись, оставшееся в живых население вышло из своих убежищ. Я не слышал ни одного крика, ни одного стона. Мы были так поражены, что не могли произнести ни слова. Через полчаса мы увидели перед собой зрелище, достойное дантова ада. Только тогда все постигли ужас того, что произошло. Была уже ночь, но Герника, охваченная огнем, озаряла все окрестности. На дороге я увидел женщину, распростертую на земле. Рядом с ней лежал и хрипел ребенок лет шести. Я наклонился к нему, и бедный ребенок умер у меня на руках.

Я должен был продолжать путь и ехать в Маркину.

Была полночь, когда мы на обратном пути снова проезжали через Гернику. Тот же чудовищный пылающий костер был перед нами. Овцы, ягнята, быки, оставшиеся без хозяев, сгрудились на дороге, наступали на трупы...

— Вот, — закончил аббат Зулуага, — я рассказал вам то, что видел, рассказал всю правду о разрушении Герники. Но я хочу сказать еще кое-что. 30 апреля утром, когда я прибыл на самолете в Биаррицу с известным вам поручением, я тотчас взял парижскую правую газету и прочел там напечатанное черным по белому подробное описание того, «как дружинники и население подожгли Гернику прежде чем оставить ее и сдать неприятелю».

— В этот момент я понял одно: Франко, Мола, Кейпо де Льяно — не только подлые преступники и убийцы, но и ничтожные трусы и лжецы.

(«ЮМАНИТЕ»).

Книга о борьбе испанского народа

Записки известного журналиста Фрэнка Питкэрна (корреспондента английской газеты, органа компартии «Дейли уоркер») на-днях вышли в новом переводе в Партиздате.

С неослабевающим и все растущим вниманием следит весь мир за героической борьбой испанского народа. Все, что есть честного, прогрессивного в капиталистических странах, не может не поднять свой голос протеста против политики невмешательства, превращенной в траги-комический тяжелый фарс.

Книга Питкэрна является не только самым горячим протестом против этой политики «нейтралитета», но и исключительно ярким, душевным, высокохудожественным очерком эпопеи гражданской войны в Испании.

Корреспонденции Питкэрна об Испании — лучшее во всех отношениях, что дала английская печать о борьбе испанского народа.

Питкэрн — талантливый журналист, но он был в Испании не только как острый наблюдатель, он был передовым бойцом на фронте. Он прошел, пережил с испанским народом его героический, незавершенный еще путь борьбы. Поэтому так волнует читателя его слово, так страстны и неподдельны его горячие чувства.

Корреспонденции Питкэрна сыграли большую роль в движении солидарности и в той помощи, которую английские народные массы оказывали и оказывают испанскому народу.

Сотни передовых англичан сражаются сейчас против фашизма на фронтах в Испании.

Здесь сказалась вся огромная сила правдивой горячей революционной агитации. И недавно английские народные массы с негодованием узнали, что Фрэнку Питкэрну английские власти отказали в визе в Испанию.

Правда испанских корреспонденций Питкэрна была неотразима, и реакционная буржуазия просто прибегла к силе власти, чтобы задушить эту правду, вписав один из самых позорных эпизодов в анналы официальной истории Англии.

Записки Питкэрна, изданные Партиздатом, по материалу наполовину новая книга в сравнении с той, что вышла в Гослитиздате.

Книга сопровождена предисловием т. Г. Полита, генерального секретаря коммунистической партии Англии.

Хорошо оформленная, тщательно отредактированная, книга эта является захватывающим документом очевидца о борьбе испанского народа против фашизма.

А. М.

Фрэнк Питкэрн — Испания, заметки журналиста. Партиздат. 1937 г. Литературная редакция Вс. Вишневского. 175 стр. 2 р. 20.000 экз.

Журнал посвящен Испании

На-днях вышел специальный номер журнала **«Смена»**, посвященный республиканской Испании.

В обращении к своему молодому читателю редакция указывает, что она ставила своей целью помочь ему разобраться в прошлом и настоящем этой великой страны, победоносно отражающей удары мирового фашизма. К участию в номере редакция сумела привлечь ряд выдающихся советских и иностранных писателей, ученых и журналистов, хорошо знающих Испанию или бывавших в ней.

В статье «Возрожденный народ» проф. Трайнин дает краткий исторический обзор многовековой борьбы испанского народа за свою национальную независимость. Одному из наиболее напряженных моментов этой борьбы — героической защите Сарагоссы против полчищ Наполеона в 1808—14 гг. — посвящен интересный очерк Тарле. Эти статьи дополняет содержательное описание сокровищ испанской культуры в статье Корсунского и затрагивающий ту же тему очерк Никулина «Наследники славы Испании».

О литературе республиканской Испании, представленной в журнале стихами и прозой Сесара Арконада, Рафаэля Альберти и Марии-Тересы Леон рассказывает Габинский; о самоотверженной испанской молодежи — Хозе Мартин; об авиации — Болтин, о прекрасных испанских художниках-мастерах плаката — Диковский. Героическим людям испанского народа Хозе Диасу и Лине Одена посвящены очерки С. Осипова и Д. Лебедева.

Побывавший в Испании корреспондент «Комсомольской правды» Ю. Корольков в очерке «Вива Руссиа» описывает огромную популярность этих двух слов в испанском народе.

О такой же популярности лозунга «Вива Испания» в Советском Союзе рассказывает М. Гольдберг в очерке под тем же заглавием. О горячей любви к испанскому народу и восхищении его мужеством говорят также помещенные в журнале стихи Адалис, Долматовского, Панченко.

Пятидесятилетие художественной деятельности В. Н. Мешкова

20 мая в Государственной Третьяковской галлерее открывается выставка картин и рисунков заслуженного деятеля искусств В. Н. Мешкова, пятидесятилетие художественной деятельности которого исполняется в этом году.

Окончив весной 1887 г. Московское училище живописи, В. Н. Мешков вскоре стал принимать участие на выставках «передвижников».

В последние годы его картины экспонировались на выставках: «15 лет РККА», «15 лет советского искусства» и др.

На выставке в Третьяковской галлерее будет представлено около 250 его работ.

Переписка М. Горького с А. Чеховым

К первой годовщине со дня смерти великого пролетарского писателя издательство Академии наук СССР выпускает сборник — «Переписка М. Горького с Чеховым».

Все известные письма писателей друг к другу вошли в этот сборник. Большая часть писем публикуется по автографам.

В приложении печатаются высказывания Чехова и его корреспондентов о Горьком, статьи и высказывания Горького о Чехове, а также наиболее интересные сообщения современников о взаимоотношениях писателей.

Сборник приготовлен к печати **С. Д. Балухатым.**

Вечер памяти Ильи Чавчавадзе

НА ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ В ДОМЕ СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Илья Чавчавадзе — один из тех великих художников прошлого, которые надолго входят в историю своего народа, как стимулирующая сила, как могучий фактор культурного развития.

Конечно, и эту силу пытались сбросить со счетов всякие вульгаризаторы и явные враги народа, верные своей политике отрыва народных масс от наследия прошлых веков.

Но, как подчеркивали в своих выступлениях на вечере в ДСП (под председательством т. **Лахути**) ответственный секретарь правления ССП Грузии т. **Жгенти** и старейший грузинский драматург **Шалва Дадиани**, все эти попытки были разоблачены. Илья Чавчавадзе пользуется искренней любовью читательских масс, его влияние ощущается и современной грузинской литературой.

Это — влияние могучего реалиста, гениально отразившего жизнь и надежды своего народа, его национально-освободительные идеалы, беспощадно изобличавшего колонизаторско-крепостнический строй царизма и феодальную, реакционную природу вырождающегося грузинского дворянства. Чавчавадзе создал литературный язык, на который опирается литература социалистической Грузии.

Илья Чавчавадзе был тонкий, проникновенный лирик и вместе с тем один из создателей современной прозы; блестящий журналист, чутко откликавшийся на актуальные проблемы современной ему действительности, пугавший врагов своим полемическим дарованием, он немало сил отдал борьбе за создание национального грузинского театра, занимался популяризацией передовых научно-педагогических идей.

Этой многосторонности Чавчавадзе, его умению жить интересами народа, ставить перед собой задачи огромных масштабов и учатся лучшие представители советской грузинской литературы, желающие быть достойными продолжателями традиций Чавчавадзе, Орбелиани, Бараташвили и других классиков грузинской литературы.

Произведения Чавчавадзе читали на вечере народные артисты СССР **В. Качалов, И. Москвин и О. Книппер-Чехова.**

Чавчавадзе предстал пред аудиторией во всем блеске своего реалистического таланта. С особенным интересом были выслушаны рассказы «Из записок проезжего» и «Сценки в суде» в исполнении Качалова и Москвина.

Это произведения, полные пафоса, любви к своей родине, глубоких лирических раздумий, насыщенные социальным содержанием, и в то же время они поражают своей сатирической заостренностью, заставляющей вспоминать о манере Салтыкова-Щедрина.

Свое стихотворение памяти писателя прочел грузинский поэт **Чичинадзе.**

С переводами стихотворений Чавчавадзе выступили **Державин и Шервинский.**

Тепло был встречен узбекский поэт **Хамид Алимджан**, приветствовавший грузинскую и русскую литературную общественность от имени участников узбекской декады в Москве.

Я. Р.

НОВЫЕ ЭКСПОНАТЫ ПУШКИНСКОЙ ВЫСТАВКИ

Всесоюзная пушкинская выставка продолжает пополняться новыми экспонатами.

Недавно выставка приобрела новые архивные документы.

Среди них наибольший интерес вызывают автограф стихотворения Пушкина «Деревня», автограф стихотворения Лермонтова «На смерть поэта», подлинник прошения Пушкина об отставке 1824 года, «Дело о надзоре за отставным чиновником Пушкиным 1829—1833 гг.», дело о закрытии масонских лож в Кишиневе в 1821—1822 годах, где упоминается фамилия Пушкина, подлинник допроса Пугачева и ряд других документов.

Отдел выставки «Пушкин и мировая литература» пополнен вновь полученными материалами, свидетельствующими об огромном размахе юбилейных пушкинских торжеств за рубежом.

В двенадцатом зале выставлены многочисленные специальные номера газет и журналов, посвященных Пушкину, афиши, об'явления, пригласительные билеты, полученные из Франции, Англии, Америки, Чехословакии, Турции и других стран.

В четырнадцатом зале юбилейный отдел пополнен вновь поступившими материалами, рисующими различные моменты проведения пушкинских юбилейных торжеств в Советском Союзе.

В отдел «Пушкин на языках народов СССР» включено дело о запрещении издавать на татарском языке сказку Пушкина о попе и работнике Балде (1902 г.).

Новыми материалами пополнен и зал детского творчества.

Здесь наибольший интерес вызывает прекрасно сделанный макет, изображающий комнату графини в «Пиковой даме» работы ученика X класса Жудро.

Выставка продолжает собирать новые материалы, отражающие изучение Пушкина и интерес к его творчеству народов Советского Союза.

О двадцатипятилетии «Правды» и задачах печати

Из доклада тов. Б. М. ТАЛЬ на общемосковском собрании работников печати и рабселькоров

«Правда»—верный хранитель традиций большевизма

День 25-летия «Правды» — знаменательная дата в истории большевистской партии. История «Правды» неразрывно связана с историей великой партии Ленина—Сталина.

«Правда» возникла в 1912 году по решению Пражской конференции. Она родилась на волне революционного под'ема и на всем протяжении истекшего 25-летия всегда являлась могучим и острейшим оружием в руках большевистской партии в борьбе за сплочение сил большевизма и рабочего класса, за победу диктатуры пролетариата и торжество социализма.

Большевистская «Правда» 25 лет высоко несет знамя Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Большевистская «Правда» на протяжении четверти века неуклонно и непримиримо борется со всеми врагами партии и рабочего класса, беспощадно разоблачает их, какое бы обличье они ни принимали. «Правда» с момента своего возникновения непримиримо боролась с ликвидаторами, троцкистами, отзовистами, со всеми агентами буржуазии, разлагавшими рабочее движение. В 1917 году на подступах к Октябрю и позднее она неутомимо и беспощадно громила всех, кто предавал великое дело пролетарской революции, кто мешал борьбе за диктатуру пролетариата, за социализм. Она громила Троцкого и Радека, Каменева и Зиновьева, Бухарина и Рыкова и иже с ними, — всех врагов социализма, всех, кто становился на пути победоносного движения пролетарской революции вперед.

У колыбели «Правды» стояли великие вожди и создатели большевистской партии — Ленин и Сталин. Они являлись ее основателями и вдохновителями. На страницах «Правды» того времени можно найти многие десятки статей Ленина и Сталина. Целый ряд писем, указаний и директив Ленина и Сталина показывают, какую исключительную заботу о «Правде» проявляли вожди нашей партии. С «Правдой» связаны имена т.т. Молотова, Калинина и ряда других выдающихся руководителей большевистской партии.

В день двадцатипятилетия «Правды» мы, работники печати, горячо приветствуем коллектив работников «Правды» и всю многотысячную армию большевиков, партийных и непартийных, делающих «Правду». «Правда» — настоящая большевистская газета, тысячами нитей связанная с трудящимися массами.

Для нас всякая революционная годовщина является поводом к тому, чтобы учесть уроки прошлого и, устраняя недостатки, двигаться вперед, к новым победам.

Всем работникам печати надо глубоко усвоить и в новых условиях претворить в жизнь славные большевистские традиции «Правды».

Эти традиции прежде всего заключаются в том, что большевистская «Правда» всегда высоко несла знамя **большевистской партийности,** знамя **ленинско-сталинской непримиримости к врагам партии.** Большевистская традиция «Правды» состоит в теснейшей связи ее с Центральным комитетом ленинско-сталинской партии. Традиция «Правды» — в острой и непримиримой борьбе со всеми врагами партии. Острая большевистская бдительность, умение разоблачать и беспощадно бить врагов — вот что прежде всего требуется от каждой нашей газеты.

Другой большевистской традицией «Правды» является ее **высокий идейный уровень,** марксистско-ленинская принципиальность. На протяжении своей истории «Правда» давала замечательные образцы глубокого марксистско-ленинского анализа, который помогал разбираться в конкретной обстановке, выдвигать и обосновывать те лозунги борьбы, которые из этой обстановки вытекали.

Вот, например, статья Ленина, помещенная в «Правде» 21 августа 1912 г. Она называется: «Заработки рабочих и прибыль капиталистов в России». Ленин в маленькой статье, оперируя казалось бы сухими статистическими данными, с исключительным мастерством наглядно показывает, в чем заключалась эксплуатация рабочих, как рабочий в течение одиннадцатичасового рабочего дня всего около 5½ часов работал, покрывая свою зарплату, а остальные 5½ часов работал на прибыль капиталиста. Что может быть ярче и нагляднее для воспитания самых широких рабочих масс в духе классовой борьбы, непримиримой борьбы с буржуазией, чем этот глубокий экономический анализ, построенный на конкретных примерах? Ленинская статья является блестящей страницей марксистской политической экономии и, вместе с тем, дает наглядные выводы и лозунги, зовущие рабочий класс на путь непримиримой борьбы с буржуазией.

Такова же и статья Сталина «Воля уполномоченных» в «Правде» от 1 ноября 1912 года, когда партия проводила упорную борьбу в связи с выборами в 4-ую государственную Думу, стремясь в труднейших условиях провести своих кандидатов — большевиков. В этой статье, написанной по абсолютно конкретному поводу — по вопросу о том, за каких кандидатов должны голосовать рабочие, — товарищ Сталин ярко развернул широкую программу большевистской борьбы, сформулировав задачи, поставленные революцией 1905 года, — вопрос о гегемонии пролетариата, союзе с крестьянством, четко обосновал неувядаемые лозунги большевиков.

В небольшой статье товарищ Сталин развернул вокруг практических вопросов выборов в Думу основные задачи революционной борьбы.

Эти примеры достаточно красноречивы. Высокий идейный уровень, неразрывно сочетающийся с политической остротой — важнейшая традиция большевистской «Правды».

Яркой и замечательной традицией большевистской «Правды» является ее **неразрывная связь с массами.** Большевистская «Правда» никогда не была и не могла быть газетой кабинетной. «Правда» была создана на рабочие копейки. Нельзя без волнения читать документы о сборе средств на «Правду» в рабочих группах. Ленин придавал исключительное значение этим рабочим группам. По их росту он измерял влияние партии и «Правды» в массах. В «Правде» зародилось замечательное рабкоровское движение. «Правда» вела повседневную работу с рабочими-корреспондентами, проявляя величайшую заботу об их росте.

С точки зрения этих большевистских традиций «Правды» нужно подойти к оценке работы и очередных задач нашей печати.

До конца разоблачить врагов партии и народа

Нельзя сказать, что наша печать в целом претворяет в жизнь большевистские традиции «Правды».

Возьмем одну из славнейших традиций «Правды» — большевистскую партийность, большевистскую бдительность и непримиримость к врагам.

В этой области у нашей печати имеется очень много недостатков и серьезных прорывов. Японо-германо-троцкистские агенты и их союзники — правые реставраторы капитализма, как известно, сумели пролезть в некоторые органы нашей печати.

Наиболее наглядным примером здесь может служить газета «Известия». Троцкистские и правые реставраторы капитализма, фашистские агенты свили себе там прочное гнездо. Там сидели Бухарин и Радек — эти злостные враги народа, враги социализма. Ловко используя политическую слепоту и беспечность некоторых не особенно дальновидных людей в редакции, они сумели использовать в своих гнусных целях аппарат газеты. Работники «Известий», зараженные идиотской болезнью беспечности, не сумели сами разоблачить гнездо злобных врагов народа, которые у них под носом делали свои антисоветские гнусненькие дела.

Поучителен пример краснодарской газеты «Красное Знамя». Эта газета часто допускала подозрительные ошибки и «опечатки». Местные организации не придавали им особого значения. Даже когда Азово-Черноморскому крайкому было поручено заняться этим делом, он в нем до конца не разобрался. Между тем в редакции была раскрыта банда троцкистов — контрреволюционных преступников, которые признались, что ошибки и «опечатки» в газете делались ими умышленно, в порядке антисоветской работы.

Бдительность для работников печати — главное требование. Нужно знать, что за люди работают в газете. Нужно знать не только редакционных работников, но и всех, имеющих отношение к газете. Разве корректор или наборщик, если они скрытые враги, не могут напакостить в газете?

Большевистская партийность, острейшая большевистская бдительность — это первое требование к каждому работнику большевистской печати, которое должно сейчас звучать особенно решительно, твердо и непреклонно.

Выше идейный уровень газет

Другая большевистская традиция «Правды» — ее высокий идейный уровень также не воспринята нашими газетами.

Всем известно, какое всемирно-историческое значение имеет Сталинская Конституция. Пропаганда, правильное раз'яснение Конституции — важнейший долг каждой газеты.

Между тем, газеты не только не придали нужного размаха делу пропаганды Конституции, но нередко допускали в статьях о Конституции грубые ошибки.

Вот, к примеру, газета «Красная Чувашия» по вопросу о собственности пишет: «Колхозники стали понимать, как надо относиться к социалистической, колхозной и личной собственности». Выходит, что, с одной стороны, существует социалистическая собственность, а с другой — какая-то колхозная и что колхозная собственность, тем самым, не является социалистической. Это — грубейшее извращение. Сила колхозной собственности в том и состоит, что она является формой социалистической собственности в нашей стране.

А вот какую ахинею пишет бакинская газета «Большевик нефти» (орган райкома АКП(б) и райпрофкома района им. Азизбекова):

«Убогая, нищая Россия, в которой в первые годы после социалистической революции существовало 5 экономических укладов — **натуральный капитализм,** частный капитализм — превратилась в могущественную страну мира, господствующей формой хозяйства в которой является социализм».

Возьмем освещение Конституции в такой газете, как «Легкая Индустрия». Газета большая, московская. В ней была помещена статья Юрия Крюкова о Конституции: «Под'ем душевных сил». Автор этой статьи, видимо, не только безграмотный человек, но и большой пошляк, умудрился Сталинскую Конституцию, статью 118 о праве на труд, «увязать» с «идеей» «продления жизни до срока, когда человек на пределе жизни будет ощущать потребность в смерти так же просто, как потребность во сне» **(смех в зале).**

В этой статье безграмотность соревнуется с пошлостью.

Дело, однако, не только в прямых ошибках, но и в общем уровне пропаганды в газетах. И если подойти с этой точки зрения к оценке газет, то даже такая сравнительно передовая газета, как «Комсомольская Правда», воспитательная роль которой для молодежи исключительно велика, была справедливо раскритикована пленумом Центрального комитета комсомола в сентябре 1936 г. Пленум отметил, что пропаганда в «Комсомольской Правде» «ведется поверхностно, преподаются формулы и выводы вместо толкового и серьезного раз'яснения, убеждения и приведения в обоснование тех или иных положений и выводов исторического и фактического материала, конкретных событий, живых примеров и т. п.».

Вести газету на высоком идейном уровне — это не значит преподносить голые формулы и лозунги, даже если они правильно формулируются. Надо **раз'яснять и растолковывать** эти лозунги путем теоретического анализа, исторических сопоставлений, иллюстрировать их фактами, взятыми из жизни, — вот, что значит вести газету на высоком идейном уровне.

Обратимся к такому серьезному делу, как антирелигиозная пропаганда. Подавляющее большинство газет антирелигиозной пропагандой не занимается. Газеты, видимо, решили, что религия изживается самотеком и что наши великие победы и успехи на фронтах социалистического строительства позволяют нам свернуть антирелигиозную борьбу. Это совершенно неправильно.

Особо следует остановиться на освещении международных вопросов на страницах нашей печати. Эта задача приобретает сейчас исключительно важное значение в свете решений Пленума ЦК и указаний товарища Сталина об овладении большевизмом. Надо повернуть внимание в сторону больших политических вопросов международного характера. Дело это поставлено в нашей печати, за редкими исключениями, неудовлетворительно.

Мы приближаемся к выборам в Советы по новой Конституции. Это налагает на нашу печать огромнейшую ответственность за подготовку к выборам и встречу их во всеоружии. Некоторые газеты наивно полагают, что все многомиллионные массы избирателей уже полностью усвоили великое значение и содержание Сталинской Конституции, и отсюда пришли к выводу, что задача пропаганды Конституции целиком исчерпана. Нужно развернуть большую работу по раз'яснению Сталинской Конституции. Каждый гражданин нашей страны должен знать, за кого он будет голосовать и как он будет голосовать, должен знать, какими правами и обязанностями он, как гражданин Советского Союза, пользуется.

Мы подходим к 20-летию советской власти. Почти каждый день 1937 года связан с какой-либо исторической годовщиной. Перенеситесь на двадцать лет назад, к бурным дням 1917 года, насыщенного великими событиями революционной борьбы. Наши газеты должны показать уроки этой исторической борьбы, рассказать о ней новым поколениям, помочь широким массам на уроках этой борьбы получить большевистскую идейную закалку. Однако, пропаганда истории революции в нашей печати далеко не на высоте. О серьезности стоящих в этой области задач ярко свидетельствует опубликованное в «Большевике» письмо товарища Сталина по вопросам истории партии.

Советское правительство, в связи с досрочным выполнением второй пятилетки и разработкой третьего пятилетнего плана, решило организовать в печати обсуждение проблем третьей пятилетки. Это очень серьезное дело, требующее от всей печати глубокой работы.

Все это показывает, насколько большую и многообразную работу должна провести вся наша печать, чтобы поднять свой идейный уровень на ту высоту, которой требует большевистская партия и непрерывно растущие запросы нашего замечательного читателя.

Укрепить связи газет с массами

Связь с массами — особенное неот'емлемое качество большевистской газеты.

Замечательный образ товарища Сталина об Антее, герое греческого мифа, сила которого заключалась в его связи с матерью-землей, имеет самое прямое отношение к нашей большевистской печати. Сила нашей печати — в ее неразрывной связи с массами. Та газета, которая теряет связь с массами, которая подрывает эту связь, перестает быть большевистской газетой.

За последнее время ЦК ВКП(б) вынес два специальных решения, непосредственно касающихся укрепления массовых связей наших газет. Это — решение о письмах в связи с обследованием пермской газеты «Звезда» и краевой газеты «Северо-Кавказский большевик» и решение об авторском активе газет «Правда Севера» и «Горьковская коммуна». Эти решения говорят о том, что указанные газеты, а с ними и многие другие забыли о неот'емлемой традиции большевистской печати и стали бюрократически относиться к массам — к письмам, к рабселькорам, к внередакционному авторскому активу.

Характерно, что за последнее время, в соответствии с бурным ростом активности масс, неразрывно связанным с введением в жизнь Сталинской Конституции и с решениями Февральского Пленума ЦК ВКП(б), поднявшими новую волну самокритики, — резко увеличивается количество поступающих в газеты писем.

Столь же важное значение, как работа с письмами, имеет и привлечение в газеты новых авторских кадров. Вот, к примеру, газеты «Горьковская коммуна» и «Правда севера». На страницах этих газет печатались одни лишь работники аппарата редакции. В то же время за несколько месяцев в «Правде Севера», например, было напечатано лишь три письма партийных работников края. Аналогичная картина и по «Горьковской коммуне». ЦК ВКП(б) отметил, что газеты «Правда Севера» (Архангельск) и «Горьковская коммуна», отгородившись от внередакционного авторского актива, допустили грубейшее бюрократическое извращение.

В чем сила большевистской газеты? В том, что лучшие мысли, лучший опыт передовых людей нашей родины концентрируется, собирается на страницах наших газет. Только тогда наши газеты смогут засверкать теми яркими многообразными красками, которыми горит жизнь нашей страны в ее непрерывном стремительном движении вперед, когда они станут настоящими организаторами общественного мнения и собирателями инициативы, опыта, мыслей лучших людей. Но для этого редакции газет должны широко привлекать авторов из лучших людей страны, края, области, района, предприятия. Надо вести с авторским активом постоянную работу, неустанно крепить с ним связь.

Покончить с подхалимством, широко развернуть большевистскую самокритику

Важнейшей задачей всей нашей печати является смелое развертывание большевистской критики и самокритики. Этого решительно требует февральский пленум ЦК ВКП(б) и товарищ **Сталин.**

Пленум ЦК отметил одну отвратительную болезнь, которой больны очень многие наши газеты и редакторы. Это подмена большевистской самокритики антибольшевистской угодливостью и подхалимством. Пожалуй, трудно найти газету, будь то областная, или низовая, или центральная, которая не была бы грешна по этой части. Но некоторые газеты в этом отношении побивают все рекорды, не излечившись и после пленума ЦК ВКП(б).

Например, газета «Омская правда» и после Пленума ЦК не изжила своего подхалимства, развитого у нее чрезвычайно сильно. В номере 99-м «Омской правды», в небольшой заметке «Передовики весеннего сева на приеме у тов. Булатова», фамилия тов. Булатова — первого секретаря обкома — употреблена 12 раз. В номере 89 в маленькой заметке о приеме пионеров фамилия тов. Булатова упоминалась 21 раз. Это было до пленума ЦК. А после пленума газета в отчете о собрании Омского партийного актива ухитрилась упомянуть имя тов. Булатова 13 раз. Редактор «Омской правды» т. Шацкий, видимо, все еще не извлек уроков из пленума ЦК.

Самокритика — основной метод воспитания наших кадров, основной метод во всей нашей работе. Роль печати в развертывании самокритики колоссальна. Печать — рупор нашего общественного мнения.

После пленума ЦК ВКП(б) дело с развертыванием самокритики на страницах газет несколько двинулось. Но этого совершенно недостаточно. Многие работники печати никак не решаются пуститься в плавание по бурным волнам самокритики. На собраниях активов, на партийных собраниях самокритика развертывается острее и конкретнее, чем во многих газетах.

Смелая, большевистская самокритика, не взирая на лица, — обязательное условие **поворота в работе газет, которого требуют решения февральского пленума ЦК ВКП(б).**

О газетных кадрах

Чтобы газеты справились с новыми задачами, должно быть изменено отношение к подбору газетных кадров и партийному руководству печатью на местах.

Газетные кадры в целом не отвечают пред'являемым к ним требованиям. В силу того, что многие парторганизации отошли от большевистских традиций в области руководства печатью и передоверили это дело второстепенным работникам, газетные кадры оказались мало квалифицированными. Многие газетные работники были переброшены на другую, негазетную, работу, а с газетными кадрами не велась необходимая работа по их политическому воспитанию и обучению. Между тем вооружить газетных работников большевизмом, серьезно укрепить газетные кадры — главное условие успешного разрешения стоящих перед нашей печатью задач.

С другой стороны, за последние годы газеты почти не производили систематического серьезного подбора новых квалифицированных кадров. Ведь не всякий может стать журналистом путем обучения в каком-либо учебном заведении, если он не имеет призвания к этому делу. Надо внимательно подбирать ту молодежь, те кадры, которые любят печать, которые имеют призвание к этому сложному и требующему разносторонних качеств делу. В газеты необходимо смелее выдвигать подготовленных и способных рабселькоров, а у нас с этим выдвижением дело обстоит чрезвычайно слабо. Нужно отбирать в газеты имеющих призвание и данные для работы в печати оканчивающих высшие учебные заведения. Разве из них **нельзя вербовать газетные кадры,** пополняя редакции новыми, культурными силами?

Наконец, следует провести огромную работу по переподготовке наших кадров редакторов. Переподготовку редакторов надо поставить таким образом, как ставится это дело сейчас в отношении руководящих партийных кадров.

Надо наши газетные кадры вооружить политически, вооружить их большевизмом.

Низовой печати—особое внимание и помощь

С особой остротой стоит этот вопрос в отношении нашей низовой печати. Низовая печать играет огромнейшую роль. Этого многие не понимают и недооценивают.

Районных газет у нас имеется свыше 3.200, разовый тираж этих газет — 11 миллионов. Это очень большая сила. Выборы в советы по-новому будут производиться по избирательным округам, состоящим из 3—4 районов. Огромную роль в правильной организации выборов по новой Конституции будет играть именно районная печать.

Между тем районная печать во многих местах влачит просто жалкое существование. Ассигнуются деньги по бюджету, но эти деньги зачастую не доходят до районных газет. Почти каждый областной исполком старается урвать у районных газет их деньги на другие нужды. Это абсолютно нетерпимо. Материальная база районных газет требует радикального улучшения. Это относится и к их типографиям, помещениям, к бумаге, на которой печатаются районные газеты, и т. д.

Решительного улучшения требует партийное руководство районной печатью. О том, как иногда у нас «руководят» районными газетами, свидетельствует хотя бы следующий красноречивый факт. В Оренбургской области секретарь Ивановского райкома т. Ундалов однажды прочитал в районной газете «Голос ударника» заметку, в которой говорилось: «Отдельные руководители района безответственно относятся к хлебосдаче, принимая хлеб амбарами». В общем, самая примитивная критика. Но удалой и ретивый т. Ундалов усмотрел в этой заметке выпад, направленный против руководителей района, против партии. В результате — газета была Ундаловым конфискована и сожжена. Чем не щедринский герой!

Подобные явления показывают, что во многих местах партийное руководство печатью сползло с большевистских традиций в этой области.

Пленум ЦК ВКП(б) со всей резкостью подчеркнул, что нужно вернуться к большевистским традициям руководства печатью, отношения к газетам и их кадрам. Самокритика в газетах должна быть настоящей, по-большевистски острой, вопреки самодурам Ундаловым.

Крепкое партийное руководство печатью тем более необходимо, что работа газет протекает в обстановке обостренной классовой борьбы с осколками разгромленных классовых врагов. Достаточно напомнить о выстреле, который недавно прогремел в Коркмас-Калинском районе Дагестанской республики, где председатель рика Багмадов убил редактора районной газеты т. Батырова, разоблачившего буржуазно-националистическую контрреволюционную группу. Не прекратилось преследование рабселькоров. Это преследование имеет многообразные формы.

Для зажима самокритики в газетах применяются различные методы. Вот, например, тов. Бубнов на другой день после опубликования в газете «За коммунистическое просвещение» остро критической деловой статьи одного школьного работника, прямо написал редактору газеты «За коммунистическое просвещение»:

«Предлагаю Вам итогов за вторую четверть («1-ое полугодие») 1936—37 учебного года в газете не опубликовывать... Если у вас будут заметки по этим вопросам (по школам РСФСР), то предварительно посылайте их мне».

Итак газете запрещается печатать что-либо по итогам учебного полугодия без согласования с наркомом. А чем, спрашивается, должна заниматься газета «За коммунистическое просвещение», если не итогами учебного полугодия, даже если эти итоги не особенно приглядны и если самокритическое их освещение огорчает некоторых наркомов?

Самокритика в печати тем успешнее будет развертываться, чем конкретнее и правильнее будет осуществляться партийное руководство газетами. То же надо сказать и о руководстве огромной армией рабселькоров.

Выше культуру газет!

Для того, чтобы наша печать была на высоте тех задач, которые ставит сейчас перед печатью партия, она должна решительно повысить свою культуру. Это прежде всего относится к языку наших газет.

Не так уже редки случаи прямой безграмотности, допускаемые некоторыми газетами. Что можно сказать о редакторе Тумской районной газеты (Московская область) тов. Бойкове, который, помещая фельетон, ухитрился назвать свое литературное произведение «фильетоном», тем самым превратил этот номер газеты в ходячий фельетон?

Но что говорить о районных газетах, если в Москве «Литературная газета», орган Союза советских писателей, — отнюдь не блещет грамотностью и красотой стиля. Уж, кажется, кто лучше газеты Союза писателей должен был бы владеть нашим прекрасным образным русским языком? В действительности же в «Литературной газете» нередко можно встретить такие перлы, что просто диву даешься, как это писатели терпят, что их орган разговаривает с ними столь суконным, канцелярским языком. Возьмите первомайский номер «Литературной газеты». Там одна фраза в передовой содержит 95 слов и, к сожалению, довольно мало смысла. Нелады с русским языком — частое явление на страницах «Литературной газеты».

Образцом большевистской публицистики, захватывающей, острой, яркой, меткой, доступной самым широким народным массам, являются статьи Ленина и Сталина, в частности, их статьи в «Правде». Вспомните, как Ленин резко осуждал ненужное употребление иностранных слов. А некоторые наши редакторы в погоне за иностранными словами, иной раз даже не понимая их смысла, залезают в непроходимые дебри.

Недавно тов. Литвинов получил интересное письмо беспартийного читателя газеты «Восточно-Сибирская правда».

«Вами, — пишет тов. Литвинову автор письма, — в комиссии по абиссинскому вопросу было употреблено выражение: «Глорификация войны». Это выражение я понимаю так: восхваление, воспевание войны, пение войне хвалебных гимнов.

Между тем, приводя вашу речь на конференции в Монтре, где это выражение Вами было повторено, газета «Восточно-Сибирская правда» после слова глорификация поместила в скобках: «довершение». Причем ни Тулунская районная парторганизация (Востсибкрая), куда я обратился за раз'яснением, ни один из многих членов партии, к которым также я обращался по этому вопросу, не дали мне, по моему мнению, правильного об'яснения».

Это письмо — серьезное обвинение редакции, путающей своих читателей, неправильно поясняя им иностранные слова.

Товарищи газетчики, прислушайтесь к этому письму рядового читателя из Тулунского района Восточно-Сибирской области! Оно касается многих из вас.

Культура в работе газет требует их своевременного выхода. Здесь дело обстоит совершенно нетерпимо. Опоздания газет вошли в порочную систему. Казалось бы, в день печати наши центральные газеты постараются выйти во-время. В действительности 5-го мая без опоздания в Москве вышла лишь одна газета «Красная Звезда». Все остальные газеты опоздали. Газета «Водный транспорт» за весь 1936 г. вышла своевременно только... два раза.

В деле улучшения работы советской печати немалые обязанности ложатся на ТАСС. Его информация систематически запаздывает, не лишена искажений. Жизнь СССР освещается тускло. Целый ряд важнейших событий и явлений в политической, хозяйственной и культурной жизни нашей страны в информации ТАСС не находят никакого отражения. Еще ответственнее задачи ТАСС в области международной информации. Работа ТАСС требует коренного улучшения во всех отношениях.

Перед нашей печатью стоят сложнейшие и ответственнейшие задачи борьбы за реализацию решений Февральского пленума ЦК ВКП(б) и указаний товарища Сталина, за осуществление политического поворота в связи со Сталинской Конституцией.

Наша печать обладает огромными силами, средствами и возможностями. Мы имеем большую сеть газет. Надо лишь всеми ими умело руководить и пользоваться так, как умел и умеет наш ленинско-сталинский ЦК пользоваться большевистской «Правдой» на всех этапах ее развития — и в 1912 году, и в 1917 году, и в 1937 году.

Надо вооружить газетные кадры большевизмом, чтобы они могли с честью выполнять возложенные на них партией ответственнейшие задачи. Это сейчас является главным. Но овладение большевизмом — нелегкая задача. Овладение большевизмом дается в результате неустанной, упорной, систематической работы над собой, неустанного изучения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, всестороннего изучения международной обстановки, активного участия в политической жизни, непримиримой борьбы за линию партии с ее врагами, с врагами народа.

Печать является самым острым и самым сильным орудием нашей партии. Это определение товарища Сталина ко многому обязывает всех работников советской прессы.

Торжественный день 25-летия нашей славной «Правды» обязывает всех работников печати напрячь все силы, чтобы по-большевистски перестроить работу газет, выполнить сталинские указания, овладеть большевизмом. И тогда наша печать, во главе с ленинско-сталинской «Правдой», под руководством большевистской партии будет еще успешнее сплачивать народы СССР под великим знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина и вести их к новым победам коммунизма. **(Аплодисменты).**

Завтра в Москве начинается декада узбекского искусства

ПИСАТЕЛИ — УЧАСТНИКИ ДЕКАДЫ

ЯШИН-НУГМАНОВ — один из видных драматургов Узбекистана. Основной автор музыкальной пьесы «Гюльсара».

УЙГУН — поэт. Пишет 10 лет. Выпущено три сборника его стихов. Автор поэмы «Джантемира».

АЙБЕК — поэт-лирик, автор 10 сборников стихов и ряда рассказов. Особенно выделяется его поэма «Дильбар давер кизи». Пишет с 1921 г.

АБДУЛЛА КАХАРОВ — видный прозаик. Получил вторую республиканскую премию за роман «Мираж». Перевел на узбекский язык «Капитанскую дочку» Пушкина, несколько рассказов Чехова, Горького и др.

АЙДИН САБИРОВА — поэтесса. Ею написаны 3 сборника стихов и сборник рассказов.

ЗИНАТ ФАТХУЛЛИН — драматург. Его пьесы «Маска сорвана» и «Истиклал» поставлены государственным драматическим театром им. Хамза. К XX-летию Октября закончил новую пьесу.

КУРБАН БЕРЕГИН

Заведующий отделом культпросветработы ЦК КП(б) Узбекистана

Музыкальное искусство социалистического Узбекистана

До революции узбекский народ не имел своего театра. Он и мечтать о нем не мог.

Узбекский народ, как и другие национальности старой России, находился под двойным гнетом: с одной стороны его душил российский царизм, с другой — собственная буржуазия.

Богатейшее, неисчерпаемое творчество народа было в загоне, лежало под спудом.

Великая Пролетарская Революция раскрепостила богатый своими творческими дарованиями узбекский народ и открыла перед ним неисчерпаемые возможности на пути к овладению высотами искусства во всех его проявлениях.

Одним из доказательств мощного культурного развития узбекского народа и его достижений в области искусства явится декада узбекского искусства в Москве.

Правильная ленинско-сталинская национальная политика дала нам возможность создать свой театр.

Музыкальный театр им. Акмаля Икрамова — сравнительно молодой художественный организм. Он существует с 1930 года. Подавляющее большинство его работников — советская молодежь послеоктябрьского поколения.

Театр возник и художественно вырос при непосредственной помощи передовых русских театров, богатейшие художественные достижения которых оказали на него свое благотворное творческое влияние.

Использовал театр, разумеется, и достижения искусства в братских республиках — на Украине, в Грузии, Белоруссии, Азербайджане и многих других.

Свои выступления в Москве и музыкальный театр и все участвующие в декаде художественные коллективы Узбекистана рассматривают, как большую школу для своего дальнейшего творческого развития, как возможность получить критику и указания, без которых дальнейшее поступательное движение искусства невозможно.

С другой стороны, декада — это смотр наших достижений, наш отчет партии и правительству.

Музыкальный театр выступит в Москве с двумя пьесами: «Гюльсара» и «Фархад и Ширин».

Музыкальная пьеса **«Гюльсара»**, текст которой написан драматургами **Яшиным и Мухамедовым**, отображает борьбу трудящихся Узбекистана за раскрепощение женщины и достижение ею равноправия на всех участках социалистического строительства.

Музыка «Гюльсары» воплотила в себе классические и народные узбекские мелодии, собранные и частично обработанные заслуженным деятелем искусств композитором **Тохтасыном Джалиловым.**

До нынешней постановки музыкальное сопровождение пьесы шло в исполнении национального оркестра (дутар, тамбур, гыджак, чанг и др.). Сейчас спектакль идет уже в сопровождении симфонического оркестра. Это музыкальная драма, музыку которой обработал и оркестровал народный артист РСФСР, известный композитор **Р. М. Глиэр,** приложивший много творческих усилий для сохранения ее национального колорита.

Трудящиеся Узбекистана поставили перед собой задачу создания оперы в настоящем смысле этого слова.

Кадры для большого оперного театра готовятся в Москве, в специально организованной при Московской консерватории узбекской оперной студии, которой руководят лучшие московские профессора.

Выпускники студии составят основное ядро будущего оперного театра.

Вторая постановка Музыкального театра **«Фархад и Ширин»** — поэма узбекского поэта-классика **Навои.** В основу поэмы была положена очень популярная и любимая узбекским народом легенда.

Музыка к пьесе «Фархад и Ширин» построена на классических и народных мелодиях. Оркестрована она заслуженным деятелем искусств Узбекистана профессором **Успенским.**

Ведущие роли в спектаклях исполняют: заслуженная артистка республики Халима Насирова, Карим Закиров, Бобарахим Мирзаев, народный артист республики Кари Якубов, Лютфи Ханум Саримсакова и др.

В музыкальных пьесах зрителю будет показан и балет — национальные танцы, которыми так славится наш народ. Исполнительницы — народная артистка республики Тамара Ханум, Мукарама Тургунбаева, Разия Каримова, Акилова и др.

«Гюльсару» поставил художественный руководитель и главный режиссер Узбекского музыкального театра т. Музафар Мухамедов. Режиссер спектакля — заслуженная артистка Махсума-Ханум Кариева, дирижер — т. Грубин.

Постановщик пьесы «Фархад и Ширин» — Юнгвальд-Хилькевич, режиссер — народный артист республики Абрар Хидаятов, дирижер — Мухтар Ашрафи. Танцы поставлены героем труда заслуженным деятелем искусств, известным бубнистом Уста Алим и народной артисткой республики Тамарой Ханум.

Выступления во время декады вновь созданной Узбекской государственной филармонии также являются одним из значительнейших моментов показа нашего искусства. Филармония, руководимая народным артистом республики орденоносцем М. Уйгур, добилась в своей работе серьезных успехов.

Она покажет инсценировки **«Саиль»** и **«Колхозный той»,** построенные на материале народного фольклора.

«Саиль» отображает дореволюционный период народного творчества, которое было лишено всякой возможности своего развития.

«Колхозный той» (колхозный праздник) имеет уже совершенно другую тематику — зажиточную, культурную радостную жизнь трудящихся Узбекистана и братское единение нашего народа с другими национальностями Союза ССР.

Отсюда и характер танцев «Колхозного тоя», его многокрасочность, яркость, разнообразие и художественная насыщенность.

В этой постановке к тому же показывается танцевальное искусство всех народностей, населяющих Узбекистан.

Декада узбекского искусства в Москве — выступления театра, филармонии, многочисленного национального узбекского оркестра, кукольного театра и других коллективов, я думаю, дадут зрителям и слушателям достаточно яркое представление о том, как под благотворно живительными лучами советского солнца растет, развивается и цветет национальное искусство в стране сталинской Конституции.

ВИКТОР ГУСЕВ

Сверкающее искусство

Два года назад я видел в Ташкенте спектакли узбекского музыкального театра имени Икрамова, наслаждался высоким мастерством Халимы Насировой, Тамары Ханум, Кари Якубова, Уста Алима.

Трогательная любовь Ширин, страдания Фархада, горе и радость Гюльсары, красочные маски древнего сказания и радостные танцы колхозников, — все это неизгладимо осталось в памяти. Я встречусь теперь с персонажами и исполнителями «Гюльсары» и «Фархад и Ширин», как со старыми друзьями.

Эти два года не прошли даром. Узбекские товарищи много и плодотворно работают.

Богатство фольклора, красоту народных мелодий они умножают на высокое профессиональное мастерство.

Народный артист РСФСР и АзССР Глиэр вкладывает свой талант и свой опыт в оркестровку музыки «Гюльсары».

Мастера узбекского академического театра имени Хамза помогают своим товарищам из Музыкального театра сценически оформить свои спектакли. Создаются новые, обогащенные опытом и мастерством, варианты пьес.

Из «Ичкариды» возникает «Гюльсара». Подготовка к декаде превращается в своеобразный университет, в огромный и радостный коллективный труд всех мастеров искусства советского Узбекистана.

В колхозах Ферганы, в лагерях узбекской дивизии я изучал народное творчество Узбекистана. В песнях и плясках отражался расцвет страны, колхозные хоры и оркестры пели о хлопке, о культуре, о партии, о Сталине.

Москва знает и любит мастеров хлопка. Москвичи аплодировали вместе со всей страной, когда лучшим из них были вручены ордена.

Теперь Москва увидит их радостное, сверкающее искусство.

У каждого из нас в нашем Советском Союзе есть особо любимые места.

Для меня одним из таких особо любимых краев советской земли является Узбекистан. В эти дни я чувствую себя именинником.

Я радуюсь, что мои московские друзья, моя Москва увидит и полюбит замечательное искусство моих узбекских друзей, моего Узбекистана.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА УЗБЕКИСТАНА В 1936 ГОДУ

В прошлом году в советском Узбекистане было издано 50 названий художественной литературы. Из них 29 книг оригинальных и 21 книга переводных художественных произведений. Главное место среди художественной литературы на узбекском языке занимают поэтические произведения.

Переводы на узбекский язык были сделаны преимущественно с русского языка — 17 названий (среди них 6 детских), с таджикского — 2 названия, с западно-европейских языков — 1 название, с китайского — 1 название.

Выдающимся событием явились переводы на узбекский язык произведений А. С. Пушкина, выполненные лучшими поэтами и писателями Узбекистана. Переведены «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Капитанская дочка», «Бахчисарайский фонтан» и др.

Коллектив из 23 поэтов и писателей Узбекистана приготовил к изданию сборник очерков и поэм об орденоносцах социалистического хлопководства.

С узбекского на русский язык в 1936 г. были переведены 2 книги, на казахский — 1 книга, на уйгурский — 2 книги.

В том же 1936 г. на русском языке выпущено 7 книг журнала «Литературный Узбекистан» (орган союза советских писателей Узбекистана), в котором были напечатаны главным образом переводы лучших произведений узбекских писателей.

Неиссякаемая сокровищница

Беседа с начальником Управления по делам искусств при СНК Узбекистана тов. Я. Г. Горбуновым

— Прошлое узбекского народа — это мрачные страницы угнетения узбеков бесчисленными завоевателями —греческими, китайскими, иранскими и др., не говоря уже о российских. Они всячески подавляли рост и развитие местной национальной культуры.

Но велик был гений народа.

Под взаимодействием культур различных народов развивалось искусство узбекского народа.

Глубокое прошлое его дошло до нас в виде различных памятников монументальной архитектуры, яркой по своей расцветке и техническому совершенству керамики, тонкой ажурной резьбы по дереву, изумительных сюзане и т. п.

Навязанный узбекскому народу арабскими завоевателями ислам запрещал изображение человека, запрещал народные песни и пляски, считая их бесовским наваждением. Ислам разрешал народу лишь религиозные песнопения и кликушеские зикры (радения).

Не было на Востоке более презираемой профессии, нежели народный лицедей.

Царские колонизаторы также жестоко подавляли всякое проявление народного творчества и всякие попытки создать узбекский театр.

В колониальном Туркестане, где школами было охвачено не более 1⅕ проц. местного населения, естественно не могли развиваться культура, наука, искусство.

Великая социалистическая революция резкой гранью отделила мрачное прошлое узбекского народа от его светлого, радостного настоящего.

Последовательно проводимая под руководством гениального вождя народов товарища Сталина ленинско-сталинская национальная политика обеспечила бурный расцвет культуры и искусства узбекского народа, которое засверкало всеми своими ослепительными гранями.

Достаточно сказать, что сейчас в Узбекистане более **50** театров, большая сеть кинотеатров и радиоустановок.

Развивается изоискусство.

Переведены на языки народов Узбекистана гениальные произведения Пушкина, Гоголя, Толстого, Горького, Барбюса, Маяковского и других.

Герои Шекспира, Шиллера, Горького, Пушкина, Лопе де-Вега, Мольера, Гольдони стали достоянием узбекского зрителя.

Созданы пьесы национальных драматургов на узбекском материале.

Выпускает свои первые звуковые фильмы узбекская кинопромышленность.

Молодые узбекские композиторы написали ряд песен о Сталине и другие произведения.

В ожесточенных боях крепло искусство возрожденного Узбекистана, в боях против местных националистов, насаждавших идейки о самобытности узбекского искусства и стремившихся сохранить его в консервированном музейном виде, и великодержавных шовинистов, требовавших немедленной ликвидации «отсталых» элементов узбекского искусства и отрицавших необходимость использования музыкального фольклора.

Успех первых крупных музыкальных произведений «Гюльсара» и «Фархад и Ширин» ободрил и вдохновил наших национальных мастеров и поэтов и позволяет им более смело двигаться по пути создания музыкальных узбекских пьес и опер.

Узбекская декада в Москве для нас — ответственный экзамен.

Мы покажем произведения, в основе которых лежат драгоценнейшие крупицы народного искусства, взятые из богатейшей, неиссякаемой сокровищницы, открытой Великой Социалистической революцией.

От зрителей в Москве мы ждем не только товарищеской критики, но и конкретной помощи в дальнейшей нашей работе.

ВИК. АФАНАСЬЕВ

Узбекское народное творчество

Успехи последних лет в строительстве социализма в нашей стране не могли не найти своего отражения в устном народном творчестве. Стихи, посвященные любимому вождю партии и страны товарищу Сталину, распевают сейчас и в горах Кавказа, и в дальневосточной тайге, и в казахских степях.

Есть они и у узбеков. Одну из таких песен мы приводим здесь.

Помещаем также старую сказку.

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Кто новые арыки
Для хлопка нам прорыл?
— Сталин!
Кто колхозы создал,
Мулл и баев выгнав?
— Сталин!
Кто пустил на поля
Табуны коней железных?
— Сталин!
Кто пустил на небо
Птичьи стаи среброкрылые?
— Сталин!
Кто всех вдов и сирот
Накормил и приодел?
— Сталин!
Кто нам милее и дороже
Солнца, воздуха и хлеба?
— Сталин!

Записано в кишлаке Дагбит со слов ЗАКИРА АЛИМДЖАНОВА

СКАЗКА О ДВУХ БРАТЬЯХ

У престарелых родителей было два сына — Юсуп и Турсун. Когда они выросли, отец и говорит им:

— Пошли бы вы, детки, в город. Может быть подработаете там что-нибудь, тогда и нас стариков вспомните.

Вот и пошли Юсуп и Турсун в город. По дороге они догнали одного старичка. Бедняга сгорбился весь под тяжестью мешка с кизяком, который он собирал по дорогам для топлива.

Юсуп и говорит брату:

— Давай поможем старику.

— Очень надо,—отвечает Турсун,— я и так устал.

Тогда Юсуп один взял у старика мешок, и пошли они дальше втроем. Юсуп даже песню запел. Подошли к хижине старика. Тот и говорит:

— Спасибо вам большое, молодые люди, за помощь старику, за веселое ваше общество. Зайдите в хижину, возьмите себе в награду, что вам понравится.

— Что у тебя, нищего, может быть кроме вшей да блох. — Засмеялся Турсун и пошел мимо хижины старика.

Юсуп же не захотел обидеть пригласившего отказом и, хотя не надеялся на то, что получит ценный подарок, все же вошел в хижину.

— Ну, спасибо тебе еще раз, — сказал старик Юсупу. — А теперь есть вот у меня два сундука со всем моим богатством, выбирай любой из них.

Посмотрел Юсуп, видит — в одном сундуке золотые монеты, а в другом ученые книги лежат. И выбрал он себе второй сундук.

— Вижу я, что ты не только добрый, но и умный при том, деньги быстро улетят, а знания, которые ты почерпнешь из книг, всегда при тебе будут.

Взял Юсуп сундук, поблагодарил старика, и побежал догонять брата. Тот, конечно, удивился очень рассказу Юсупа, а когда узнал, что у старика остался сундук с золотыми деньгами, побежал скорее назад. Через некоторое время радостный он вернулся и братья снова зашагали в город. Идут они, и хоть тяжело Юсупу, а все же рад он книгам. Радуется и Турсун, все подпрыгивает, сундук потряхивает, слушает, как золото там позванивает.

Пришли они, наконец, в город, зашли в чайхану, чай заказали. Раскрыл Юсуп свой сундук, книги вынимает, рассматривает их. Одна другой интереснее.

Раскрыл сундук и Турсун, да так и обомлел. Полным полно в сундуке было навозу, а сверху два ржавых гвоздя лежало. Они-то и гремели, а Турсун думал, что золото звенит.

Так наказан был он за жадность и невежливость, а Юсуп, начитавшись ученых книг, стал очень умным и все его уважали.

Записано со слов ИГАМБЕРДЫ ДЖУМАНАЗАРОВА, узбека - рабочего хлопкоочистительного завода в Ленинабаде.

ХРОНИКА ДЕКАДЫ

★ **Первый спектакль Музыкального театра Узбекистана** состоится завтра в филиале Большого театра. Идет музыкальная драма **«Гюльсара»** —**Яшина (Нугманова) и Музафара Мухамедова.** Музыка к спектаклю собрана из различных узбекских мелодий заслуженным деятелем искусств Узбекистана т. **Тохтасыном Джалиловым.** Обработка и оркестровка музыки для симфонического оркестра принадлежат народному артисту РСФСР композитору **Р. М. Глиэру.**

«Гюльсара» повторяется **22 мая.**

23 мая будет показана вторая постановка Музыкального театра — **«Фархад и Ширин».** Либретто написано узбекским поэтом **Хуршид,** музыкальная композиция заслуженного деятеля искусств Узбекистана профессора **Успенского,** инструментовка **В. Цвейфеля.** Ставит спектакль **О. Юнгвальд-Хилькевич.** Режиссер— народный артист республики **Абрар Хидаятов.**

Роль Ширин исполняет заслуженная артистка республики **Халима Насирова,** роль Фархада — **Карим Закиров.**

★ В декаде примет участие группа народных сказителей и сатириков во главе с т. **Юсуфджаном-Кзык.**

★ «Узбекфильм» прислал в Москву первую звуковую картину **«Клятва».** Режиссер — т. **Усольцев,** сценарист — т. **Кудрявцев.**

★ В двух фойе филиала Большого театра будет развернута выставка узбекского искусства, которая отразит все многообразие богатейшего народного творчества Узбекистана.

В числе интереснейших экспонатов — портрет популярного узбекского поэта и философа XV века Навои, сделанный советским художником со старинной миниатюры, и его рукописи с рисунками к ним.

Выставка будет открыта в антрактах во время спектаклей.

★ **Музгиз** выпускает сборники отрывков из узбекских музыкальных пьес «Фархад и Ширин» и «Гюльсара». В сборниках будут даны отдельные арии, речитативы и хоры. Текст будет напечатан на русском и узбекском языках. Перевод текста на русский язык сделан **В. Бугаевским** и **Я. Родионовым.**

Намечено также издание сборника узбекских народных песен.

Т. АРУНЯН

Дарбаз

Утренний воздух режут призывные мелодии сурнаев, мощные звуки карнаев и ритмичная дробь барабана.

Со всех кварталов города, со всех примыкающих к городу кишлаков на этот призыв спешит стар и млад, мужчины и женщины, взрослые и дети...

Все уже знают, что на базарной площади сегодня предстоит одно из любимейших народных зрелищ узбеков—выступление дарбаза.

Вскоре базарная площадь наполняется доотказа. На земле, на помостах чайхан, на террасах, на плоских крышах, даже на деревьях — всюду, где только можно уместиться, сидят зрители в ожидании выхода дарбаза.

Дарбаз—это канатоходец. Но между ним и обычными канатоходцами европейских цирков большая разница. Впрочем, о нем мы скажем немного ниже, а пока необходимо познакомиться со вторым действующим лицом этого народного зрелища.

До выхода дарбаза, в промежутке между музыкальными номерами, иногда даже одновременно с ними, на импровизированной арене работает аскиябаз—остряк-скоморох.

В дореволюционное время аскиябазы зло и остро шутили над баями, ишанами, ростовщиками и даже над тогдашними правителями — ханами и его визирями. Их экспромты облетали всю округу.

Один аскиябаз буквально уничтожил ташкентского хана. Его песня «Банги» — курильщик опиума (прозвище, данное этому хану) — распевалась по всей территории ханства.

Другой хан — кокандский — получил от аскиябаза прозвище «пустак» — «ослиная кожа»...

Но вот карнаи и сурнаи возвещают о начале выступлений дарбаза.

По натянутому наклонному канату дарбаз поднимается на высокую мачту, расцвеченную блестками, бусами и разноцветными лентами.

На высоте 30 метров дарбаз ступает на площадку. Веселый смех зрителей от острот аскиябаза сменяется напряженным вниманием: все взоры устремлены вверх, все молча наблюдают за рискованными пируэтами мастера каната—дарбаза.

Выступления дарбаза продолжаются почти весь день. Зрители рукоплещут смелому, грациозному его искусству; до слез смеются они над меткими остротами аскиябаза, наслаждаются колоритной музыкой сурнайки.

★

Искусство дарбаза и аскиябаза с установлением советской власти в Узбекистане получило новое содержание.

Аскиябаз теперь зло высмеивает лодырей и лжеударников, бюрократов и невежд, мулл и кулаков. Политическая сатира аскиябаза доходит до широких масс колхозников.

На декаде искусств узбекского народа в Москве присутствуют два знаменитых в Узбекистане аскиябаза — **Алимджан Ака и Атаджан Ака.** Они будут выступать в инсценировке «Саиль» и «Колхозный той».

В ближайшие дни в Москве выступят и дарбазы — братья Парпиевы, известные узбекские канатоходцы, унаследовавшие свое искусство от отца и деда.

ПИСАТЕЛИ БРАТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ССП

16 мая в ССП помощник ответственного секретаря ССП т. Аршаруни информировал приехавшую в Москву узбекскую литературную делегацию о мероприятиях союза в связи с предстоящей декадой.

В беседе принимали участи **13** драматургов, поэтов и прозаиков Узбекистана.

Большое оживление вызвал вопрос об издании во время декады сборника избранных стихотворений узбекских поэтов. К переводу привлечены **В. Гусев, Вера Инбер, К. Алтайский, С. Городецкий, М. Алигер** и др.

Большое внимание было уделено вопросу узбекского фольклора, в частности необходимости популяризации творчества приехавшего с делегацией узбекских писателей в Москву народного певца **Абдуллы Шаира.**

ПИСАТЕЛИ — УЧАСТНИКИ ДЕКАДЫ

БЕРЕГИН КУРБАН — заведующий отделом культпросветработы ЦК КП(б) Узбекистана, один из руководителей литературного движения в Узбекской ССР.

ХАМИД АЛИМДЖАН — поэт, автор пяти сборников стихов. Перевел на узбекский язык «Русалку» и «Кавказского пленника» Пушкина, «Как закалялась сталь» Островского.

ЭЛЬБЕК ЮНУСОВ — старейший поэт Узбекистана. Издано 10 сборников его стихов и несколько сборников рассказов. Его песня о тов. Сталине будет исполнена узбекской филармонией во время декады.

АНКАБАЙ — драматург-критик. Автор пьесы «Шадман». Недавно закончил пьесу «Арман».

УСМАН НАСИР — молодой поэт, автор четырех сборников стихов. Перевел на узбекский язык «Бахчисарайский фонтан» Пушкина и «Демона» Лермонтова.

САБИР АБДУЛЛА—поэт и драматург, автор пьесы «Багбан киз» («Дочь садовника»).

Е. УСИЕВИЧ

«Огненный путь»

Книга Л. Аргутинской «Огненный путь» прошла мимо внимания профессиональной критики. Единственный «критический» отклик на нее появился в «Рабочей Москве» в виде лихой рецензии И. Рябова под названием «Гимназистка на фронте».

На протяжении каких-нибудь ста—ста двадцати строк автор рецензии выносит о книге ряд совершенно убийственных и безапелляционных суждений. Для начала, героиня романа, от лица которой ведется повествование, обругана гимназисткой. На этом основании об'является нелепостью весь процесс ее перевоспитания в ходе гражданской войны в подлинную революционерку. И. Рябову точно известно, что молодые девушки, окончившие гимназию, ничем кроме мещанок быть не могут. В дальнейшем автор обвиняется в том, что якобы эту гимназистку ставит «примером не только для бойцов, но и для красных командиров». Далее следует уже прямое обвинение в клеветническом изображении красных командиров:

«У боевого командира Борового,— излагает Рябов свои претензии к Л. Аргутинской,—в глазах «необычайная тоска», с которой он борется морфием. Комиссар Горев в лирические минуты скорбит о неудавшейся личной жизни и попутно влюбляется в Нину. А командир отряда Зеленский и вовсе оказался в плену личного инстинкта. У него в отряде появилась девица Настя, которая целыми днями валялась в теплушке и бренчала на гитаре, которую ей привез Зеленский. К Зеленскому приезжает жена с детьми. Она осыпает мужа и Настю упреками. И вот Зеленский на глазах своего сына двумя выстрелами убивает жену».

«Героиня рисуется собой, своим видом, своим поведением».

«Сцены романа сугубо натуралистичны».

Словом, книга осуждена коротко, решительно и безапелляционно грубо. Другой вопрос—насколько внимательно она была прочитана автором рецензии перед тем, как сделать столь безнадежные выводы. Об этом можно судить хотя бы по тому, что носит «необычайную тоску» в глазах и борется с ней морфием вовсе не командир Боровой, коммунист, который изображен в книге в очень теплых тонах, с большой любовью и уважением, а командир Мирошниченко, фигура явно сомнительная и в последующих частях романа оказывающаяся подосланным в отряд белым офицером.

Комиссар Горев, прекрасный большевик, чуткий и внимательный товарищ, под влиянием которого растут и становятся большевиками попавшие в его отряд революционно настроенные, но мало разбирающиеся в политической обстановке молоденькие сестры, как-то раз, в тяжелую минуту рассказывает о своем прошлом, о неудавшейся личной жизни, о где-то оставшемся ребенке, о котором он не может даже узнать, жив ли он. Горев действительно привязывается к героине романа—Нине. В романе показано, как мужественно этот человек борется со своим чувством, как по-товарищески относится он к отвергнувшей его любовь девушке.

И. Рябов, повидимому, считает, что охарактеризовать большевика, да еще на фронте, также и с этой его стороны, — дело совсем ненужное и гимназическое. Другое дело, если бы речь шла о «семейном романе». Тут большевик должен был бы всячески показывать «многогранность», говорить необыкновенно лирические речи жене, улыбаться девушкам, гладить по голове всех встречных детей. В «производственном романе» в круг обязанностей большевика входило бы «гореть на работе», «забывать о семье» и, умирая на последних страницах, шепнуть «холодеющими губами... Как у нас развивается стахановское движение?» Но большевик, который во фронтовой обстановке («оборонный роман»!) в свободную минуту вспоминает с заботой и болью о своем покинутом ребенке, — такая бестактность может притти в голову конечно же только гимназистке и должна быть немедленно разоблачена как клевета.

Л. Аргутинская правдиво и просто, без выкрутасов и потуг на так называемую «художественность» изображает путь молодой девушки, честной, искренне сочувствующей человеческим страданиям, но совершенно не разбирающейся в политической обстановке, которая из простых гуманных побуждений пошла сестрой в отряд Красной гвардии, и дальнейший ее рост в процессе революции. Мы видим влияние, которое оказывала на нее среда бойцов революции, обладающая тем, чего у Нины не было,— сознательной классовой ненавистью. И видим, как эти обладающие классовой ненавистью люди, которых она сначала считала гораздо более грубыми и уж во всяком случае менее культурными, чем сама она, учат ее подлинной революционной гуманности, как под влиянием их, в огне борьбы, она из наивной и мечтательной, движимой неопределенными революционными настроениями девочки, вырастает в сознательную и стойкую революционерку. Мы видим, наконец, правдиво переданную, сложную и противоречивую обстановку первых месяцев Октябрьской революции.

В частности очень интересен и правдив как раз образ командира Зеленского. Это человек искренне революционного настроения и темперамента. Он умеет по-настоящему товарищески относиться к бойцам своего отряда. Он смел, находчив и полон самоотверженности в боях и пользуется, благодаря всему этому, заслуженной любовью и доверием своего отряда. И вот этого человека приводит к преступлению, к преступлению в боевой обстановке, его, унаследованное от собственнического буржуазного общества, грубо-примитивное отношение к женщине. Случай очень типичный в первый период революции и имеющий значение для нашего времени. Но что до этого рецензенту, который поставил себе единственной целью изругать ненавистную «гимназистку». По его мнению, такой случай можно изобразить в романе только с одной целью — чтобы порисоваться собственной добродетелью и показать свое превосходство перед героическим командиром. Менее придирчивый, но более квалифицированный критик Л. Аргутинской — Алексей Максимович Горький подошел к этому вопросу несколько иначе. «К чести Вашей: — писал он в письме к Л. Аргутинской по поводу ее рукописи, — Зеленский застрелил жену — дело скверное. Вы женщина, спрятали свое возмущение этим убийством, показав, как его осудили другие товарищи. Это правильно. Другой или другая на Вашем месте обязательно присыпали бы к этому факту массу ненужных и пустых слов».

Там, где И. Рябов видит рисовку и любование собой, Алексей Максимови. находит прямо противоположное — стремление спрятать, затушевать собственные чувства и мысли, показывая моральную высоту революционных бойцов.

«Мне Ваша книга понравилась, — пишет Алексей Максимович в другом месте того же письма, — написано просто, почти без фокусов словесных, без той противной литературщины, которая, к сожалению, все больше соблазняет нашу молодежь».

«К достоинствам работы Вашей относится то, что хотя Вы пишете от первого лица, но Ваше «я» не очень вылезает на первый план. Это говорит о том, что Вы уважаете Ваш материал и что Вы сознаете равенство с людьми— искренно, что историческое значение героев, боевых товарищей Ваших, Вами хорошо понято».

Как видит читатель, расхождения в оценке книги между двумя критиками ее, М. Горьким, с одной стороны, и И. Рябовым, с другой—довольно существенное.

При этом вряд ли, конечно, кто-либо предположит, что это расхождение получилось вследствие того, что М. Горький подходил к литературе менее требовательно, с менее высокими критериями, чем И. Рябов. Недостатки в романе М. Горький конечно видел (не те, к счастью, что И. Рябов, считающий основным пороком отсутствие лакировки). Они, эти недостатки, в романе есть. Есть ряд мест, где реализм автора приобретает несколько излишне грубоватый характер. Испытывая повидимому отвращение к стандартному образу сестры милосердия в белоснежной косынке, Л. Аргутинская иногда излишне часто и настойчиво подчеркивает неуклюжие солдатские сапоги своей героини и ее подруг, их изорванные в боях платья, то, что они в теплушках не всегда могут уберечься от вшей. Есть и еще отдельные неудачные сцены и образы.

Но М. Горький умел сквозь отдельные недочеты, сквозь недостаточную литературную опытность увидеть правдивое изображение действительности, большое уважение к трудящимся, восставшим на защиту своих попранных прав, умение показать сквозь внешнее огрубение большую их человечность, тонкость чувств, мужество и самоотверженность. Именно это придает книге Л. Аргутинской ценность, которой нехватает произведениям ряда гораздо более умелых, чем она, авторов. Именно это заставляет любого читателя, не совсем равнодушного к революционной действительности, к процессу роста ее представителей, людей, выросших в огне классовых боев, читать книгу Л. Аргутинской с живым интересом, иногда с подлинным волнением, заново ощущая обстановку гражданской войны, первых лет революции, правдиво переданную одним из рядовых ее участников.

ИСКУССТВО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Специальный номер журнала «Интернациональная литература»

В связи с международной выставкой в Париже, майский номер журнала «Интернациональная литература» на французском языке целиком посвящен искусству в Советском Союзе.

В многочисленных статьях и очерках освещены все наиболее значительные явления советской литературы, театра, кино, живописи, скульптуры и т. д.

В литературном разделе помещены статьи: **В. Ермилова** — о М. Горьком, **В. Соколова** — об Алексее Толстом, **К. Зелинского** — о Михаиле Кольцове, **И. Нусинова** — о Михаиле Шолохове. **В. Демидова** — о Николае Островском, очерк **С. Маршака** о детях-поэтах и т. д.

Достижениям советского театра и музыки посвящены статьи: **П. Маркова** — о Московском ордена Ленина Художественном академическом театре им. Горького, **В. И. Немировича-Данченко** — о постановке в МХАТ инсценировки романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», **С. Динамова** — о Михоэлсе в роли короля Лира. **А. Александрова** — о краснознаменном ансамбле красноармейской песни и пляски, **Н. Лидова** — о международных победах советских музыкантов и др.

Много места уделено в журнале киноискусству (статьи — режиссера-орденоносца **А. Довженко**, актера Н. Черкасова — об исполнении им роли Полежаева в фильме «Депутат Балтики», Е. Габриловича и др.), живописи (статьи об Александре Герасимове, о Сергее Герасимове, о Кукрыниксах и др.), скульптуре, архитектуре, народному творчеству.

Номер журнала иллюстрирован многочисленными снимками и рисунками.

УЗБЕКСКИЕ ПИСАТЕЛИ И АРТИСТЫ В РЕДАКЦИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

17 мая в редакции «Литературной газеты» состоялась товарищеская встреча работников редакции и московских писателей с писателями и артистами Узбекистана.

На встрече присутствовали заведующий отделом культурно-просветительной работы ЦК КП(б) Узбекистана т. Берегин, поэты — Хамид Алимджан, Уйгун, Айдин (ответственный секретарь союза советских писателей Узбекистана), Айбек, Эльбек, Усман Насыров; прозаик Абдулла Кахар; драматурги — Яшин, Зинят Фатхуллин, Анкабай, Абдулла Сабир, народные артисты Узбекистана — орденоносец М. Уйгур, Тамара Ханум и Абрар Хидаятов, помощник ответственного секретаря ССП т. А. Аршаруни, тт. М. Голодный, К. Тренев, Д. Алтаузен и др.

Тт. Айдин, Берегин, Анкабай, Хамид Алимджан, Уйгун, Аршаруни и др. дали широкую информацию о достижениях узбекской культуры, которая вступила в пору небывалого расцвета благодаря условиям, созданным мудрой национальной политикой ленинско-сталинской партии.

Убедительной иллюстрацией в этом смысле могут явиться даже те беглые цифры, которые привел в своем выступлении т. Берегин.

Узбекистан, где царизм яростно осуществлял свою разрушительную колонизаторскую политику, где до революции насчитывалось не больше 2 процентов грамотных, — беднота не имела к этим процентам, разумеется, никакого отношения, — сейчас насчитывает более **3 тысяч** начальных и неполных средних и средних школ, в которых обучаются свыше **300 тысяч** детей, около **20** вузов, научно-исследовательских институтов и других культурных организаций и учреждений.

Общие успехи социалистического строительства сказались, естественно, и на таких важных участках культурного фронта, как литература и театр.

■ ■ ■

АБРАР ХИДАЯТОВ — народный артист Узбекской республики.

■ ■ ■

Все виды искусства все больше внедряются в жизнь народных масс, любящих и ценящих своих мастеров, свою талантливую молодежь.

Ярчайшим показателем роста узбекской литературы может явиться тот факт, что за последние годы на узбекском языке стали появляться лучшие произведения мировой литературы и русской классики. Произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гоголя, Чехова, Горького вошли в обиход узбекского читателя.

Нечего, конечно, говорить о том, что узбеки читают на своем родном языке и лучшие произведения русской советской литературы: «Как закалялась сталь», «Тихий Дон», «Разгром» и многие другие.

Огромную роль в ознакомлении масс с мировой классикой выполняют узбекские театры и в первую очередь Государственный академический драматический театр, который одновременно крепит связи с узбекскими драматургами. Авторы пьес на актуальные темы современности тт. Яшин, Анкабай, Абдулла Сабир и др. пользуются довольно большой популярностью.

К сожалению, констатируют все ораторы, русская литературная общественность имеет очень слабое представление о драматургах, поэтах и прозаиках Узбекистана. Они не переводятся на русский язык или же переводятся очень неквалифицированно.

■ ■ ■

ТАМАРА ХАНУМ — народная артистка Узбекистана.

■ ■ ■

Была в Узбекистане бригада ССП в составе тт. Инбер, Гусева, Луговского и Левина, но она ничего не сделала для пропаганды достижений узбекской литературы.

Справедливы были упреки тт. Берегина, Алимджана и др. в адрес ССП СССР, его драмсекции и «Литературной газеты».

Союз советских писателей почти не знает людей, создающих литературу социалистического Узбекистана, не поддерживает с ними связи, не заботится о воспитании молодых кадров, об их учебе.

Между тем, нужда в этой помощи очень большая, тем более, что националисты (Чолпан, Фитрат и др.) и авербаховцы всех мастей стараются оказывать свое влияние на молодежь, используя каждую щель, чтобы протащить свои вредоносные идейки.

До сих пор попытки установить тесный контакт со всесоюзной литературной организацией и с ее секциями существенных результатов, по единодушному признанию, не давали.

Иногда эти попытки, как свидетельствует т. Анкабай, приводили к обратным результатам, к разочарованию и еще большей разобщенности, — как это случалось после встреч с Киршоном и Афиногеновым. Ничего, кроме барской снисходительности и равнодушия, узбекские драматурги у этих людей, руководивших драмсекцией, не встретили.

Но ветер большевистской самокритики сметает с фронта литературы всех вредителей, бездушных чиновников, лжеспециалистов от искусства.

Все уверенней прокладываются пути к укреплению творческих связей, к созданию прочного единства всех отрядов советской литературы.

Большую роль призвана сыграть в этом смысле, как подчеркнул в своем выступлении редактор «Литературной газеты» т. Л. Субоцкий, декады национального искусства в Москве, в частности узбекская декада.

Литературная общественность извлечет из встречи с представителями талантливого народа надлежащие уроки, которые найдут свое отражение и на страницах «Литературной газеты».

От имени секции поэтов и драматургов узбекских гостей приветствовали тт. М. Голодный и К. Тренев.

ЯКОВЛЕВ.

О. ЦЕХНОВИЦЕР

Авербаховщина в Ленинграде

Авербаховская группка имела свои «надежные» кадры в Ленинграде.

Таков был Файвилович, один из главных подручных Авербаха, Чумандрина и Добина, автор единственного литературного произведения — заметки «Как я пишу».

Этот авантюрист, вытащенный Чумандриным каким-то образом в литературу, считался «крупным» специалистом рапповской «педагогики», надежным проводником авербаховской троцкистской линии. Рядом с Файвиловичем орудовали такие «корифеи», как Мительман, Бейлин, Ф. и П. Евсеевы. Они с усердием разбивали свои лбы ради Авербаха и Чумандрина.

Сам Чумандрин был доволен своими учениками. Они «хорошо» расправлялись со всеми, кому не нравилась авербаховская «оглобля». Они издевались над лучшими советскими писателями, они подняли травлю комсомольской печати, выступившей с разоблачением авербаховщины, они выступали против статей «Правды» по вопросам литературы.

После постановления ЦК ВКП(б) о ликвидации РАПП Чумандрин проводил политику сопротивления линии партии, собирая у себя на квартире фракционные собрания. Через 5 месяцев после постановления ЦК, как отмечала «Правда» (сентябрь 1932), «на заседание ленинградского оргкомитета писателей явился ни разу не посетивший его заседаний в течение 5 месяцев Михаил Чумандрин. Встав в позу «трагика», Чумандрин сразу же заявил, что положенных десяти минут ему будет мало, и потребовал сорок минут для речи. Получив этот срок, Чумандрин с места в карьер повел наступление на решение ЦК.

— Это лето было самым несчастным для РАПП, — сказал он, не смущаясь определенным звучанием подобной «формулировочки».

— Писатели не пишут в результате этого! — усердствовал наш «трагик», на глазах у всех отрицая несомненный факт огромного повышения творческой активности и ленинградских и московских писателей.

— Теоретической жизни нет, — надрывался Чумандрин.

В таком же духе выступил вслед за Чумандриным Евсеев. Без РАПП нет и не может быть теоретической жизни в литературе, — этот основной групповой тезис пытаются проводить некоторые бывшие руководители бывшей РАПП, где только и как только можно».

Эта антипартийная позиция Чумандрина была далеко не случайной. «Выдвиженец» Авербаха и Киршона, он был провозглашен чуть ли не «классиком» рапповской литературы за свои произведения «Склока», «Родня», «Бывший герой», написанные в духе творческой платформы секретариата РАПП и ВОАПП.

Исключительно низкие по своим художественным качествам произведения Чумандрина «Родня», «Склока», «Бывший герой» и др. были охарактеризованы авербаховским прихвостнем, врагом народа С. Малаховым, как произведения «советского Золя». Они пропагандировали троцкистские взгляды о враждебности крестьянской массы социалистическому строительству и троцкистскую клевету на методы партийного руководства.

Чрезвычайно характерно, что после постановления ЦК о ликвидации РАПП Чумандрин теряет «питательную среду» и почти перестает писать. Он нигде печатно не заявил о вредности своих троцкистских произведений, хотя об этом в свое время писала комсомольская печать (газета «Смена», № 75, 1932 г.).

Чумандрин рьяно проводил авербаховскую линию в лапповской газетке «Наступление», где он, будучи редактором, методом фальсификации и уверток «расправлялся» со статьями «Правды» и комсомольской печати.

На страницах газеты «Наступление» он проповедывал троцкистские авербаховские творческие лозунги.

Совсем недавно, после продолжительного молчания, Чумандрин вновь появился на литературном горизонте. Сейчас он поведал миру, что работает сразу над пятью произведениями. Одно из этих произведений — роман о С. М. Кирове — забраковано, как искажающее образ пролетарского вождя.

Другой оруженосец Авербаха — Л. Левин до февраля 1937 года поддерживал тесную связь со своим «вождем». Он ездил к нему «консультироваться» на Урал.

В критике Л. Левин известен как рьяный проводник рапповской «ортодоксии». В течение пяти лет он не нашел времени выступить с критикой своих авербаховских позиций.

В авербаховской школке активную роль играл и Добин. Физиономия этого путаника, ныне исключенного из партии, достаточно известна.

Бывшие участники авербаховской школки сейчас предпочитают отмалчиваться. Они не желают дать прямой ответ советской общественности. Вот например Н. Берковский, один из главных «теоретиков» журнала «На литературном посту», принесший немало вреда своими «работами». Это он пропагандировал рапповскую «пятилетку».

Смысл этой пятилетки, по мнению Берковского, таков:

«Сила и смысл РАПП в том, что литературная продукция его осмысленно-программна, есть рассчитанная «пятилетка», есть движение по плану, колышки воткнуты в пункт отбытия и в пункт прибытия, стратегическая карта обозрима. У попутчиков другое: там лихая бесхозность, цели не поставлены, действуют без сговору, карьера каждого писателя— сплошная авантюра, может кончиться успехом, может — нет». (Н. Берковский. «Текущая литература», 1930, стр. 9).

Он дискредитировал советских писателей и лучшие произведения советской литературы. О «Тихом Доне» Берковский писал в барских тонах: «Нас не довольствует «Тихий Дон» Михаила Шолохова». (Там же, стр. 37).

Но зато он поднимал на щит Чумандрина: «У Чумандрина хорошо зарисован домашний быт рабочих-коммунистов — Федора и Надежды: «Федор кончил есть, коркой обвел по краям сковороды». Этой «корки», единственной, уже достаточно. Она многозначна». (Там же, стр. 78).

И эти теоретики рапповской «сухой корочки» делают вид, что вся борьба с авербаховщиной к ним не относится. Н. Берковский и сейчас в своих путанных статьях протаскивает рапповскую «методологию».

Решительное оздоровление литературной жизни Ленинграда невозможно без разоблачения до конца авербаховских соратников и всех рецидивов авербаховщины.

Авербаховцы до сих пор пытались работать «организованно» — они об'единились в редакции «Истории заводов».

Сюда перекочевали рапповские чиновники: Грузинский, Мительман, Бейлин, Великин. Во время приездов Авербаха в Ленинград они собирались в гостинице «Астория» и получали инструкции от своего «вождя».

Рядом с этими «писателями» на фронте «Истории заводов» орудовала целая банда ныне разоблаченных троцкистов — Попов, Меламед, Нотман и др. Но вся деятельность авербаховцев в «Истории заводов» до сих пор окончательно еще не вскрыта и не проверена. А здесь корни авербаховщины пущены довольно прочно.

Разоблачение всех приспешников Авербаха — боевая задача ЛенССП.

УЙГУН

Узбекская советская литература

1.

Современная узбекская художественная литература — детище Октябрьской революции. В дореволюционной узбекской литературе, особенно в народном творчестве, фольклоре мы находим образы, в которых нередко отражались надежды и чаяния народа, протест и гнев против эксплоататорских классов, борьба против колониального рабства, эмиров, ханов и духовенства. Но трудовые массы узбекского народа, жившие в обстановке самого тяжелого колониального и национального угнетения, лишены были возможности выявить все свои богатые творческие дарования.

Великая пролетарская революция открыла дорогу всем творческим силам узбекского народа и направила их по правильному пути, обогатив художественную литературу всем опытом борьбы трудящихся за социализм.

Узбекская художественная литература выросла в длительной ожесточенной борьбе против классовых врагов, против пантюркистов и националистов всех мастей. Классовый враг, свергнутый Великой пролетарской революцией, продолжал борьбу против диктатуры рабочего класса, продолжал на всех фронтах, в том числе и на фронте художественной литературы.

Эта борьба велась раньше всего пантюркистами и националистами, которые создали в конце 1918 г. буржуазно-националистическую организацию «Чагатай Гюринги», возглавлявшуюся известным националистом Фитратом. Эта организация группировала вокруг себя почти всех буржуазных писателей и языковедов. Она ставила своей задачей борьбу против национальной по форме, социалистической по содержанию культуры Узбекистана, пропагандируя идеи пантюркизма, узбекского национализма, теорию самобытности, противопоставляя Восток Западу, идеализируя далекое прошлое — эпоху династии Тимура. Эта организация упорно боролась и против влияния русской советской литературы в узбекском художественном творчестве, против интернационализма и идей большевизма.

Буржуазные писатели, группировавшиеся вокруг организации «Чагатай Гюринги», являлись в своем роде идейными организаторами «кокандской автономии», басмаческих движений и т. д. Они писали стихи, воспевавшие контрреволюционную борьбу против советской власти. Среди таких писателей были Гулям Зафари, Чолпан, Бату и др.

Буржуазно - националистические писатели пытались вести борьбу не только в области художественной литературы, но и в области критики и литературоведения. В этом смысле можно отметить, например, контрреволюционные попытки Алтая, который стремился доказать, что в Узбекистане не может быть пролетарской литературы. Это являлось протаскиванием контрреволюционной теории Троцкого, отрицавшего возможность существования пролетарской литературы и искусства.

Узбекская советская литература под руководством партии разоблачила все эти вылазки классовых врагов.

2.

Первыми узбекскими писателями, воспринявшими Великую пролетарскую революцию и воспевшими ее в творчестве, были Садреддин Айни, Хамза-Хаким-Заде Ниази, Суфи Заде.

Садреддин Айни в своих стихотворениях «Первое мая», «Марш свободы», «Марш-Интернационал», написанных в 1918—19 гг., ярко отразил пафос революционной борьбы. Эти песни, написанные понятным для масс языком, получили самое широкое распространение среди революционного народа. Большой популярностью пользовалось и творчество Ниази, особенно его стихи.

Ниази был не только замечательным поэтом, но и первым узбекским советским драматургом, который по существу проложил дорогу узбекской драматургии. Он был и крупным композитором. Ниази погиб в 1929 г. от руки религиозных мракобесов — мулл и ишанов, которые не могли ему простить его борьбы за советскую власть.

Узбекская литература постепенно росла и оформлялась. В нее стали вливаться новые кадры. Первые годы нэпа были тем этапом, когда в узбекскую художественную литературу пришел литературный молодняк — Гайрати, Хусейн Шамс, Айдин, А. Маджиди и др. Они пришли в узбекскую литературу с новой тематикой, освещавшей проблемы земельно-водной реформы, борьбу за раскрепощение женщины и др.

Эти важные проблемы в большинстве случаев были, однако, слабо отражены в художественной литературе, и это в значительной мере об'яснялось тем, что идейно-художественный уровень молодых узбекских писателей был невысок.

Для узбекской поэзии этого времени были характерны поверхностность, бытовщина, простое фиксирование отдельных событий. Преобладали схематизм и дидактика. Целый ряд важнейших вопросов социалистического строительства не находил вовсе отражения в литературе.

Обострение классовой борьбы и развернутое социалистическое наступление по всему фронту в реконструктивный период, естественно, сказались и в области художественной литературы Узбекистана.

Буржуазной литературе, занимавшей значительное место в период гражданской войны и восстановительный период, был нанесен сокрушительный удар.

Целый ряд буржуазных писателей, вроде Фитрата и др., вынужден был отойти от литературы, но не прекратил своей борьбы, используя различные «научные» выступления и «исследовательские» литературоведческие работы.

Буржуазные писатели-националисты пытались захватить руководство литературной организацией «Кизыл Калам», которая была создана для воспитания и об'единения советских писателей. Эти попытки ярко сказались на первых заседаниях «Кизыл Калам», где выступали с докладами националисты Вадут Махмуди и Аляви. Они всячески пытались идеализировать дореволюционную узбекскую литературу, воспевали послеоктябрьскую контрреволюционную буржуазную литературу.

Вследствие преступной беспечности и политической слепоты отдельных писателей-коммунистов, находившихся в руководстве «Кизыл Калам», националистам удалось в 1930 году захватить, правда, на короткое время, эту организацию в свои руки, при чем они имели в это время влияние на отдельных писателей-коммунистов.

Яркой иллюстрацией результатов этого влияния является «теория», которую проповедывал под влиянием националистов Атаджан Хашимов. Он в своих статьях о «чагатайской» литературе пропагандировал совершенно антимарксистские, националистические взгляды и теорию самобытности.

Однако, сколько националисты и другого рода контрреволюционеры ни пытались сопротивляться росту и укреплению узбекской литературы, они были разоблачены. Узбекская советская литература продолжала на каждом шагу укреплять свои позиции. Она с каждым днем росла, расцветала и двигалась вперед.

3.

В этот период в узбекскую литературу пришли из комсомола, из советской молодежи многие талантливые поэты, прозаики и драматурги: Гафур Гулям, Яшин, Хамид Алимджан, Эргаш и др.

Гайрати в это время выпускает сборник стихов «Голос свободы», «Песню жизни», рассказ «Черное сердце», Гафур Гулям пишет юмористические рассказы, Хамид Алимджан издает книжку стихов «Весна», Айбек выпускает сборник стихов, Яшин пишет пьесу «Два коммуниста».

Этот период развития узбекской литературы отмечен появлением первых переводов из западно-европейских и русских классиков, переводов русских советских авторов. Появляются переводы произведений Виктора Гюго, Верхарна, Льва Толстого, Пушкина, Гоголя и др.

1930 год, год великого перелома, явился переломным и в истории развития узбекской советской художественной литературы. В период, когда началась сплошная коллективизация и на основе этого ликвидация кулачества, в Узбекистане были раскрыты и разгромлены контрреволюционные подпольные организации — касимовщина и «Милли-Итихад». Одновременно были разгромлены и враги народа — буржуазно-националистические писатели Бату и К°, которые являлись и руководителями контрреволюционной организации «Милли-Итихад».

В эти годы организация «Кизыл Калам» была распущена и была организована узбекская ассоциация пролетарских писателей. На первых порах УЗАПП способствовала выращиванию молодых писательских сил из рабочей среды на фабриках и заводах. В литературу пришли из рабочей молодежи Фатхулла Гулям, Гияс Сагати, Хашим Захидов и др.

УЗАПП, однако, за время своего существования допустила ряд грубейших ошибок и извращений в области литературы. Особенно должны быть отмечены всякого рода левацкие загибы, приведшие к задержке роста узбекской литературы. Вследствие этой вреднейшей политики за бортом узбекской писательской организации оставался целый ряд талантливых писателей, например, Эльбек, Айбек и др.

УЗАПП и его руководство протаскивали в своей работе многие ошибки и преступления РАПП и авербаховщины. Одно время в составе руководства УЗАПП находился некий Голодович—троцкист, который сыграл не малую роль в деле извращения линии партии в области художественной литературы, и в полном смысле невежда, ныне исключенный из партии Касим Бабаев.

Историческое постановление партии от 23 апреля 1932 г. о перестройке литературных организаций открыло новую полосу в развитии узбекской советской литературы. Это постановление ударило по беспринципной групповщине, расцветшей во время УЗАПП, и сплотило все творческие силы узбекской советской литературы.

Однако авербаховцы повели антипартийную борьбу и после постановления от 23 апреля. Вплоть до I с'езда советских писателей Узбекистана «руководители» бывшей УЗАПП, вроде Голодовича, Касим Бабаева и др., боролись против оргкомитета за овладение руководством.

4.

Самые значительные успехи и достижения узбекской советской художественной литературы относятся именно к последним годам, прошедшим с момента постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г.

За последнее время в узбекской советской художественной литературе выросли новые кадры писателей. Появился ряд крупных произведений: Садреддин Айни выпустил большой роман «Рабы», получивший премию на конкурсе, организованном СНК УзССР, Шамс написал два романа — «Враг» (о колхозном строительстве) и «Право» (борьба за Октябрь), Абдулла Кахар выпустил ряд рассказов и роман «Сараб», направленный против контрреволюционного национализма.

В области драматургии узбекская советская литература обогатилась рядом значительных произведений. Яшин написал пьесу «Честь и любовь» на колхозную тему и пьесу «Гюльсара», посвященную раскрепощению женщины; Исмаилов — пьесу «Рустам» (борьба за Октябрь), Анкабай написал пьесу «Шадман», на тему восстания 1916 г. в Средней Азии, Фатхуллин — пьесу «Гунчаляр» и др.

Особенно значительны успехи советской литературы в области поэзии: поэзия советского Узбекистана выросла качественно и количественно. Ее основная тематика в данный период: новый человек — ударник хлопковых полей, стахановцы, рахмановцы, советская молодежь и женщины, родина и советский патриотизм, дружба народов; воспроизведение образов великих вождей народов — Ленина и Сталина — сейчас уже стало одной из главнейших тем современной узбекской советской поэзии. Поэт Шейх-Заде написал стихотворения о Ленине—«Памятник», «Светоч», «Ленин-Намэ» и др. А. Маджиди — стихотворение «Ковер», Усман Насир — «1870 г.»; Эргаш — стихотворение «Шелковый платок», Эльбек — стихотворение «Ленин» и т. д. Многочисленные песни и стихи посвящены вождю народов товарищу Сталину.

Узбекская поэзия в настоящее время уже далеко ушла вперед от тех стихов, которые раньше поверхностно и схематически воспроизводили действительность. Прежний поэтический стандарт и шаблонная форма сейчас сменились произведениями, в которых богато использован народный язык, дающими глубокие и яркие образы. Активны за последний период поэты Гафур Гулям, Хамид Алимджан, Айбек, Усман Насир, Давран, Шейх-Заде, Амин Умари, Эльбек, Гайрати и т. д.

Следует еще отметить работу по освоению классического наследства узбекской литературы и фольклора. В частности Институт литературы и языка проводит сейчас большую работу по собиранию и исследованию национального фольклора. Уже готовятся к выпуску образцы народного эпоса «Алпамыш» и др.

Нельзя, наконец, не остановиться на той огромной исторической важности работе, которая уже проведена узбекскими писателями: ими переведены крупнейшие произведения А. С. Пушкина. Огромное культурное значение этой работы, дающей возможность миллионным массам советского Востока ознакомиться с творчеством гениального русского поэта, ясно.

Перед узбекской литературой стоят огромные задачи. Несмотря на пройденный путь, уже отмеченный крупными достижениями, узбекская литература не свободна от целого ряда крупнейших недостатков. Социалистическая действительность Узбекистана не нашла в ней такого яркого и полного отражения в литературе, которое удовлетворило бы запросы широкого читателя.

НА ЗАСЕДАНИИ ПРАВЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Авербаховские приспешники в Ленинграде

Доклад тов. Ставского.—Чумандрин и другие.—Авербаховский ставленник Либединский.—Реваншистские выступления.—Газета «Литературный Ленинград» была стыком между авербаховцами и горбачевцами.—Н. Свирин о «Литфронте».—Авербаховцы Л. Левин и О. Бергольц исключены из союза писателей

Происходившие в Ленинграде отчетно-выборные собрания писательской организации сыграли большую роль в активизации политической жизни ленинградского союза писателей. Эти собрания положили начало той серьезной и важной работе по выкорчевыванию авербахо-горбачевских корешков, которая со всей остротой стоит перед ленинградской литературной организацией.

Вопросам борьбы с антипартийными, враждебными группировками в литературе было посвящено и заседание правления ленсоюза и актива творческих секций.

★

С докладом выступил отв. секретарь ССП т **В. Ставский.**

— Собрания, происходившие в Москве и в Ленинграде, — сказал он, — вскрыли огромное количество недостатков в нашей работе, и эти недостатки особенно нетерпимы, когда они связаны с ослаблением, а иногда и потерей политической бдительности.

В. Ставский дает обстоятельную политическую характеристику деятельности Авербаха, как троцкистского диверсанта в литературе.

— После постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г., — замечает он, — некоторыми писателями было выдвинуто понятие «сорадования» и в процессе этого «сорадования» было забыто то, что представляет собой Авербах и его группка. Нельзя сказать, что Авербах ничего не достиг и ничего не добился своей вредительской работой. Поэтому так важно сейчас распутать все авербаховские нити, разоблачить все методы его подрывной работы. Л. Левин, бывший уполномоченный Авербаха в Ленинграде по альманаху «Год XVI», сейчас вспоминает, что Авербах путем повышенных гонораров пытался сгруппировать вокруг себя отдельных писателей.

Такие же методы Авербах применял и в «Истории фабрик и заводов», и в редакциях книг о Беломорстрое и Болшевской коммуне. Подкупом и подкармливанием коекого из угодливых писателей Авербах пытался восстановить свое положение в литературе. В то же время он травил писателей, неугодных ему.

— Прав Алексей Толстой, — продолжает В. Ставский, — когда говорит, что РАПП, это — не формальное понятие, что РАПП ломала и коверкала тончайшие аппараты восприятия и мышления и что в интересах развития советской литературы нам нужно распознать все ее уловки и методы, чтобы до конца выявить болезненные, уродливые, антихудожественные приемы, которые были навязаны писателям Авербахом и его приспешниками.

В Ленинграде также была весьма сильна авербаховщина. Сколько хороших, молодых рабочих ребят было и здесь сбито с толку. Авербах был глубоко безразличен и равнодушен к судьбе тысяч людей, которых он призывал в литературу, ему нужна была хотя бы видимость такой массовой организации, которая голосовала бы за него.

Говоря о людях, бывших проводниками авербаховского влияния в Ленинграде, В. Ставский называет М. Чумандрина, принесшего много вреда, как руководящая фигура РАПП и ЛАПП, писателя, плохие книги которого пропагандировали троцкистские взгляды. Другой руководитель ЛАПП, Е. Добин, был до последнего времени близок к Авербаху, но он до сих пор не рассказал всего, что ему известно об авербаховщине. Беспринципно юлит Лев Левин...

Надо до конца сделать все выводы. Наша задача — раскрыть все враждебное, что было в нашей литературе. Мы должны внимательно просмотреть работу деятелей бывшей группы «Литфронт». В эту группу, как известно, входили Горбачев, Майзель, Горелов и др. На эту группу ориентировался Ломинадзе. Мы должны познакомиться и с деятельностью группы «Кузница», на которую ориентировался Томский.

Надо еще раз присмотреться к бывшим «перевальцам». Надо также освободить литературу от ненужных и бесполезных людей. Мы знаем, что в среде разоблаченных врагов не было ни одного крупного писателя. Враги оказались в среде случайных, примазавшихся, окололитературных элементов.

В. Ставский заостряет также внимание на вопросе о моральном облике советского писателя, напоминая такой сигнал, как разоблачение «личной жизни Ивана Шухова».

— Прежде чем допустить пилота к управлению самолетом, его внимательно изучают, проверяют его физические и психические качества. Почему же у нас, у писателей, — спрашивает т. Ставский, — допускали всех и всякого к ответственной работе инженера человеческих душ? Перед союзом стоит задача решительно перестроить свою работу. Указания тов. Сталина на последнем пленуме ЦК ВКП(б) помогают нам ее выполнить.

★

Резко ставит вопрос о ряде бывших руководителей РАПП и ЛАПП **О. Цехновицер.** Он заявляет, что Е. Добин несет полную ответственность за вредительскую линию газеты «Литературный Ленинград», выражавшуюся в систематическом натравливании одной группы писателей на другую, в охаивании лучших произведений советской литературы.

О. Цехновицер напоминает, с каким озлоблением было встречено выступление «Литературной газеты» об антипартийной линии «Литературного Ленинграда». Автор этой статьи, которую Е. Добин сейчас признает правильной, был в свое время публично заклеймен клеветником и фальсификатором.

Рассказывая о фракционной работе Чумандрина и Либединского, О. Цехновицер цитирует «Литературную газету» за 29 сентября 1932 г., в котором давался отпор попыткам бывших руководителей ЛАПП противодействовать проводимой партией перестройке литературных организаций.

Не могут быть забыты книги Чумандрина («Бывший герой», «Родня», «Склока»), которые по существу являются троцкистскими. О. Цехновицер указывает на антихудожественность этих произведений. Между тем кон'юнктурно-авербаховская «критика» доходила до таких абсурдов, что сравнивала Чумандрина с Золя и Львом Толстым, и в лучшем случае сомневалась, кому из них отдать предпочтение. «Толстой или Чумандрин?» — так назывался угодливый отчет об одном из рапповских диспутов в «Вечерней Москве».

Чумандрин не был одинок в своей антипартийной работе. Ю. Либединский, который мог бы о многом рассказать на наших собраниях, предусмотрительно ретировался в Ленинград. Надо также пристально посмотреть, куда ушли корни авербаховщины, в частности, заглянуть в авторские коллективы «Истории фабрик и заводов», где всяческие Великины калечили замечательную инициативу А. М. Горького.

— Напрасно Л. Левин, — указывает в своем выступлении **Л. Плоткин,** — упорно подчеркивает, что влияние Авербаха не отразилось на его литературно-политической работе. Только что вышедшая книга Л. Левина «На знакомые темы» содержит в завуалированной форме старые положения рапповской методологии.

★

— А. Н. Толстой дал правильное определение троцкистско-авербаховской «философии литературы», — говорит **М. Козаков.** — Огромный вред нанесен советской литературе авербаховщиной.

Но когда мы сейчас говорим о людях, которые осуществляли рапповскую антипартийную линию, меня поражает диспропорция, существующая у нас при характеристике тех или иных людей. Ю. Либединский, например, должен нести не меньшую, а значительно большую ответственность, чем М. Чумандрин.

Я вспоминаю совершенно беспринципное делячское поведение Либединского, который после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. неожиданно приехал ко мне с предложением организовать совместную творческую группу. Я был поражен, что с таким предложением обратился ко мне человек, который незадолго перед тем требовал моего «идейного расстрела», что в эту группу приглашались и другие писатели, из-за которых из литературы совсем недавно требовал Либединский и его друзья.

Я отказался войти в эту группу, понимая, чем продиктована эта внезапная «перемена взглядов» Либединского. Чтобы уговорить меня, Ю. Либединский, только что требовавший, повторяю, моего «идейного расстрела,» предложил дать мне рекомендацию для вступления в партию.

Я считал и считаю себя непартийным большевиком, преданным делу партии и лишь формально не входящим в ее ряды, но от рекомендации Ю. Либединского, продиктованной групповыми и кон'юнктурными интересами, я отказался.

— Ю. Либединский, — продолжает М. Козаков, — прибыл в Ленинград как эмиссар Авербаха с широкими полномочиями, и не ему сейчас становиться в позу обличителя. Мы вправе требовать, чтобы Либединский выступил в Ленинграде, рассказал о том, по чьей указке он сталкивал лбами одну группу писателей с другой, почему он назначил литературным руководителем наглого и безграмотного мальчишку Файвиловича, почему в Федерации писателей оказался такой человек, как Великин, почему секретарем ЛАПП был назначен М. Лузгин, издевавшийся над писателями.

Пусть Либединский скажет, по чьей указке ныне разоблаченный классовый враг Старчаков, тогда орудовавший в Ленгихле, придя с заданием секретариата ЛАПП, прежде всего расторгнул договоры с Тыняновым, Зощенко и др.

Линия поведения авербаховских эмиссаров, так же, как и линия горбачевцев, орудовавших еще недавно в ленинградском союзе писателей, — заключает М. Козаков, — была линией политической беспринципности и сплошных провокаций, преследовавших задачу разобщить и дезорганизовать единую семью работников советской литературы.

★

Е. Добин, О. Бергольц и Л. Левин вновь сделали пространные заявления, и на этот раз никак не способствовавшие действительному раскрытию методов Авербаха.

Под давлением собрания им пришлось оставить свою позицию за позицией, но прямого и честного рассказа писатели от них так и не услышали.

Прав был, в частности, **А. Толстой,** указавший, что напрасно тот же Добин все, что делалось в «Литературном Ленинграде», считает отдельными ошибками. Ошибки «Литературного Ленинграда» создавали направление газеты, а ошибки и недоразумения не могут быть платформой печатного органа союза советских писателей.

Выступивший на собрании ответственный секретарь ЛенССП **И. Цильштейн** отметил, что все факты, приводившиеся на писательских собраниях, свидетельствуют о смыкании, о стыке между вредительской работой троцкистско-авербаховской группы и подрывной деятельностью орудовавших в ленинградском союзе горбачевцев (Горелов, Майзель и др.). У них были одни и те же цели, одни и те же методы дезорганизации литературы, отрыва беспартийных от коммунистов, вредительской подготовки литературных кадров и т. д. Надо покончить с этой грязью, чтобы дать новый мощный размах советской литературе!

И. Цильштейн указывает также, что нужно особенно резко поставить вопрос о книгах Чумандрина, содержащих троцкистские взгляды, но до сих пор не из'ятых из библиотек. Выступления Добина, Левина, Бергольц т. Цильштейн считает совершенно неудовлетворительными. По его мнению нужно поставить вопрос также и о Ю. Либединском, которому есть что рассказать ленинградской организации писателей.

— Одновременно, — говорит он, — надо дать отпор всяким реваншистским выступлениям. У нас имеются окололитературные люди, которые хотят половить рыбку в мутной воде. Надо решительно пресекать всяческие попытки свести личные счеты, протащить халтуру и недобросовестные произведения.

Творческие секции должны изучить своих членов, освободиться от окололитературной братии, от балласта, от тех, кто недостоин звания советского писателя.

★

М. Чумандрин в отличие от его предыдущих выступлений, попытался дать подробный анализ и политическую квалификацию антипартийной работы руководства бывшей РАПП и в частности самого Чумандрина, как до постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года, так и после него.

М. Чумандрин добавляет ряд новых штрихов к омерзительной картине политического разложения и растления авербаховской группки и ее вредоносной работы на участке ленинградской литературы.

Заявляя, что после ноябрьского пленума оргкомитета (1932 г.) он искренно порвал с Авербахом, М. Чумандрин признает, что серьезные рапповские рецидивы все же сказывались в его деятельности и значительно позже. М. Чумандрин признает также правильной резкую оценку его произведений, содержащих вреднейшие троцкистские идейки. Касаясь деятельности Ю. Либединского, ближайшим другом и сподвижником которого он являлся все эти годы, М. Чумандрин вынужден сказать, что в личной и политической биографии этого человека имеются большие «затемненные места». Необычайно велика его роль в создании враждебных рапповских теорий и лозунгов. Либединский нигде и ни разу не написал о своих троцкистских книгах.

Характерно, что после вредных книг «Завтра» и «Рождение героя» Либединский ничего не создал, если не считать плохих очерков «Петя Гордюшенко» и «Бригада Власова».

Нет такой планеты, где бы неделя длилась тринадцать лет, нельзя тринадцать лет жить одной «Неделей».

Определенным образом характеризует Либединского и то, что он не считает нужным добросовестно выполнять свои самые элементарные партийные и общественные обязанности.

— Выступление Чумандрина, — говорит **М. Слонимский,** — помогает писательской организации разобраться во всем происходившем. Но эти признания не умаляют и его собственной ответственности. Нельзя забывать, что и до последнего времени многие честные писатели боялись одного имени Чумандрина. Это пытались использовать враги народа Горелов и др., орудовавшие в союзе.

М. Слонимский подробно говорит о вредительской работе авербаховцев и горбачевцев в ленинградском союзе. На примере критики «Повести о Левинэ» он показывает, к какому обволакиванию писателя прибегали и те и другие, чтобы отвлечь его от нужной, острой, политической темы.

О стыке между авербаховцами и горбачевцами в ленинградской литорганизации говорит и **Б. Лавренев.** Местом такого стыка была, в частности, газета «Литературный Ленинград». И если поверить Е. Добину, что он не поддерживал связи с Авербахом, то нужно помнить, что руководимая им газета все же послушно выполняла задания гореловской группы.

Б. Лавренев особо останавливается на циничном и безответственном выступлении другого руководителя «Литературного Ленинграда» — О. Бергольц, «наивности» и «неопытности» которой никто поверить не может.

— В деятельности О. Бергольц — говорит Б. Лавренев, — сказалась авербаховская выучка, которая привела ее на службу к Горелову.

На заседании выступили также Н. Никитин и др. писатели.

★

Н. Свирин еще раз подчеркнул, что, выкорчевывая корешки авербаховщины, надо полным голосом говорить и обо всех других враждебных антипартийных группировках, которые существовали в литературной организации.

В критике, которая звучит на наших собраниях, никому нельзя применять рапповские методы и замалчивать собственные ошибки.

В этой связи Н. Свирин подробно останавливается на своем участии в «Литфронте». Туда привела его отвратительная атмосфера, существовавшая в РАПП, но, — указывает Н. Свирин, — это не может быть поставлено мне в актив, потому что борьбу с РАПП «Литфронт» вел не с партийных, а с групповых позиций, потому что и «Литфронт» отстаивал ряд вреднейших рапповских лозунгов (диалектико-материалистический творческий метод, «союзник или враг» и т. д.). «Литфронт» был беспринципным блоком. Сейчас мы видим, как и здесь сомкнулась вражеская работа. Внешне как будто «Литфронт» и авербаховская группа были враждебны друг другу. Но в действительности Ломинадзе, использовавший «Литфронт», был в то же время связан с Авербахом.

Н. Свирин рассказывает также о том периоде, когда Вс. Вишневский, и он сам, а также другие, резко порвав с «Литфронтом», развили работу в ЛОКАФ, работу, которая по существу была по рапповскому лозунгу «союзник или враг». Именно здесь впервые сплотились в своей творческой и оборонной работе беспартийные писатели и писатели-коммунисты.

Далее Н. Свирин указывает на то, что, давно порвав с «Литфронтом», он все же сохранил близкие отношения с Гореловым, Майзелем и др. Это помешало мне, говорит он «сразу же занять правильную позицию в тот момент, когда партийная организация начала разоблачать вредительскую деятельность Горелова».

Дав развернутую политическую оценку своим ошибкам, Н. Свирин характеризует ряд бывших на собрании выступлений (в частности выступление В. Эрлиха, запамятовавшего свою работу в лапповской газете «Наступление») и отмечает полную неудовлетворительность об'яснений Добина, Левина, Бергольц.

Говоря о задачах предстоящей работы союза, Н. Свирин указывает на значение в перестройке работы союза отчетно-выборных собраний секций, на которых была поднята большая волна здоровой критики. Эти собрания показали, какие жестокие требования пред'являются писателю, особенно к писателю-коммунисту-руководителю. Надо помнить, что авторитет завоевывается работой!

Выступление А. Зиновьева встретило резкую оценку и в речах других писателей.

Мы считаем нужным отметить и странное поведение В. Стенича, который на этом заседании считал возможным балаганить и бросать двусмысленные шуточки и каламбуры.

★

Н. Тихонов в ярких словах обрисовал ту дымовую завесу, которой обволакивали писателей Авербах и его друзья. «Человек был у нас организационным аргументом» — произнес сегодня Чумандрин свой страшный афоризм. Люди вместо аргументов, тезисы вместо книг, раздоры и склоки — такова обстановка, которую создавал писателям Авербах и которую мы окончательно уничтожаем.

В принятой резолюции правление ЛенССП указывает на огромный вред, который принесла в Ленинграде деятельность группы сторонников Авербаха (Либединский, Чумандрин, Добин, Слепнев). В резолюции отмечается, что большинство бывших руководителей РАПП сопротивлялось постановлению ЦК ВКП(б) от 23/IV 1932 г. и сохраняло связи с Авербахом и после ликвидации РАПП, а некоторые и до последнего времени (критик Л. Левин, Б. Великин, Добин, как редактор «Литературного Ленинграда») способствовали вредительской работе Горелова, Майзеля и др. Л. Левин проводил вреднейшие взгляды в своей критической работе. О. Бергольц была связана с Авербахом и Макарьевым. Выступления Добина, Л. Левина, Бергольц правление считает совершенно неудовлетворительными, не разоблачившими методов вредительской работы Авербаха.

Принято решение вывести Добина из состава правления ЛенССП и поставить на общем собрании вопрос об исключении его из союза писателей. Решено также исключить из союза писателей Л. Левина и Бергольц. Вопрос о Великине будет рассмотрен на следующем заседании правления.

Правление ЛенССП обращает внимание Всесоюзного правления на необходимость внимательного рассмотрения деятельности Ю. Либединского, долголетнего соратника Авербаха и творчески деградирующего писателя. Считая, что в ряде книг Чумандрина («Склока», «Родня», «Бывший герой») содержатся грубые ошибки троцкистского порядка, правление считает необходимым из'ять эти книги из библиотек.

Резолюция намечает ряд конкретных мероприятий по выкорчевыванию корней авербаховщины и других враждебных группировок, существовавших в ленинградской литорганизации.

В партгруппе ЛенССП

На собрании партгруппы и парткома Ленинградского отделения ССП выступил с докладом, посвященным разоблачению авербаховских агентов в литературе и их враждебной деятельности, т. В. Ставский.

Он указал, что в ленинградской литературной среде орудовали в течение ряда лет различные группировки, в частности, горбачевцы и авербаховцы.

Ю. Либединский, М. Чумандрин, Е. Добин и другие долголетние соратники Авербаха и после постановления ЦК сопротивлялись решению ЦК от 23 апреля 1932 года, активно поддерживая троцкистскую авербаховскую групповщину.

Особо внимательно надо проследить деятельность Ю. Либединского, для которого характерны последнее время — творческая беспомощность, оторванность от партийной жизни, барское нарушение партийной дисциплины. По полгода он не платил партвзносов, а совсем недавно «догалался» уплатить их... по телеграфу!

Подытоживая выступления по поводу «деятельности» Ю. Либединского, секретарь парткома т. Мирошниченко ставит вопрос о партийности Либединского.

На собрании далее указывалось на тот факт, что критик Л. Левин поддерживал с Авербахом теснейшую связь вплоть до февраля 1937 г. и фактически был его полпредом в Ленинграде. Будучи ленинградским представителем альманаха «Год XVI», он по прямой директиве Авербаха подкупал авторов исключительно высоким гонораром, таким путем вербуя кадры для Авербаха и срывая работу других журналов.

В близких отношениях с Авербахом находилась и О. Бергольц.

Выступления этой писательницы, кандидата в члены партии, убедили коммунистов в ее беспринципности и антипартийности. Работая в газете «Литературный Ленинград», она совместно с Добиным способствовала проведению в газете вредительской политики Горелова.

Парторганизация ЛенССП, не только не вскрывшая до сих пор характера произведений Чумандрина, но даже избравшая его недавно в члены парткома, допустила большую политическую ошибку.

Необходима самая серьезная борьба с авербаховским охвостьем, с антипартийными группировками, а также с разложившимися и богемствующими людьми, живущими на иждивении Литфонда. В то же время тт. Ставский и Цильштейн предостерегают от огульного демагогического охаивания всех бывших рапповцев и механического зачисления их в лагерь авербаховских агентов. Борясь с действительными врагами и их сторонниками, нужно уметь разглядеть и тех, кто стремится свести личные счеты, опорочить людей, проверенных в повседневной работе.

Собрание постановило обратить внимание партгруппы правления ССП СССР на необходимость тщательного рассмотрения деятельности Ю. Либединского, дальнейшее пребывание которого в партии признано невозможным, и деятельности М. Шкапской, которая в течение ряда лет была связана с врагами народа Авербахом и Крючковым.

Собрание единогласно высказалось за исключение из партии О. Бергольц, о чем решено довести до сведения парторганизации завода «Электросила», где она состоит на учете.

Перед ленинградской парторганизацией ССП поставлен вопрос о наложении партийного взыскания на М. Чумандрина, активнейшего авербаховца в прошлом. Вредные его книги постановлено из'ять.

Критической секции поручено под ответственность тт. Свирина и Плоткина организовать тщательный просмотр журналов «Звезда», «Литературный современник», «Резец» и ныне закрытой газеты «Литературный Ленинград», в которой орудовали враги народа.

Постановлено изучить творчество участников всех литературных группировок: РАПП, «Литфронт», «Кузница» и др.

А. МАКАШИН

Преступная бездеятельность

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ ТАТАРИИ

(От нашего специального корреспондента)

В «Литературной газете» (см. № 25 с. г.) сообщалось о том, что председатель союза советских писателей Татарии Кави Наджми снят с работы и что старое правление ССП Татарии распущено. Чем же вызваны столь суровые и крайние меры?

На этот вопрос с исчерпывающей полнотой отвечают материалы трехдневного собрания писателей и выводы комиссии обкома ВКП(б), тщательно обследовавшей деятельность правления союза.

Уже несколько лет, как в Татарии начали поднимать свои змеиные головы всякого рода националисты и троцкисты. Враги народа проползали в союз советских писателей, в театр, в издательство, где в продолжение нескольких лет вредили почти безнаказанно.

Этой безнаказанностью они обязаны отчасти «высокому» покровительству гнусного врага народа Абдулина, оказавшегося не меньшим негодяем, чем они, но главное—широко распространенной в ССП Татарии идиотской болезни — беспечности.

В самом деле. Ведь контрреволюционер «писатель» Сайфи как махровый националист был разоблачен еще в 1935 году. Это должно было заставить руководство союза насторожиться, принять необходимые меры к оздоровлению организации, развернуть политико-воспитательную работу среди писателей.

Однако руководство союза писателей Татарии не извлекло из дела Сайфи необходимого урока.

Сайфи для отвода глаз был исключен из членов союза, но вскоре же снова был принят в союз, где ему радушно предоставили возможность контрреволюционной пропаганды. В театре ставили его вреднейшие пьесы, в журнале «Совет Эдэбиате» печатали его контрреволюционные рассказы, в союзе писателей выдавали ему «творческие» командировки; группа писателей, главным образом стоявших у руководства (К. Наджми, Гумер Галеев, Тулумбайский и др.), на квартире, в «семейной обстановке» разрешали вместе с Сайфи важнейшие вопросы союзной работы, и здесь же за стаканом вина «оценивались» новые творения Сайфи и др. националистически настроенных писателей и им выдавались «путевки в жизнь».

Это неслыханное нарушение демократии, семейственность, полное игнорирование общественного мнения, чудовищная политическая слепота и беспечность дали возможность контрреволюционеру Сайфи прекрасно чувствовать себя в союзе, где его оберегали от всякой критики буквально до самого последнего времени.

Точно так же до последнего времени находил в союзе приют и защиту троцкист Гумер Галеев, несмотря на то, что его вредительская работа проводилась у всех на виду. Редактируя журнал «Совет Эдэбиате», Г. Галеев систематически протаскивал на его страницы идеологически порочные, а часто и прямо контрреволюционные произведения (Сайфи, Ш. Усманова и др.).

Вплоть до полного разоблачения состоял в союзе националист Шамиль Усманов. Его клеветническая повесть «Путь легиона» никем не критиковалась.

Кави Наджми не обращал внимания на сигналы писателей-коммунистов и совершенно наплевательски отнесся к решению обкома ВКП(б) Татарии (октябрь 1936 г.), в первом пункте которого было сказано:

«1. Сделать предупреждение партгруппе союза советских писателей Татарии и лично К. Наджми за проявление либерального отношения к враждебным троцкистским, буржуазно-националистическим элементам, примазавшимся к литературному фронту, за отсутствие активной борьбы с идеологическими извращениями, имевшими место в произведениях отдельных писателей».

Главный советник Наджми, член правления троцкист Гумер Галеев, об'явил решение обкома неправильным и предложил опротестовать его. Не добившись отмены решения, К. Наджми и Гумер Галеев начали открыто саботировать проведение этого решения в жизнь, одновременно стараясь обмануть обком, заверяя его, что в союзе все обстоит благополучно.

В союзе попрежнему царили семейственность и угодничество; союз являлся пыльной канцелярией, куда писатели заходили главным образом за «творческой командировкой», т. е. за денежной ссудой.

Несмотря на указания обкома, учеба среди писателей налажена не была. Все кружки развалены. Критика и самокритика в союзе писателей беспощадно изгонялись.

Вся работа правления и его избранников («актива») заключалась в саморекламировании и создании круговой поруки.

Естественно, что «деятельность» правления и его председателя К. Наджми была подвергнута на собрании писателей суровой и беспощадной критике.

Почти все выступавшие в прениях товарищи, подтверждая правильность выводов комиссии, приводили все новые и новые факты, свидетельствующие о преступной бездеятельности правления и о полнейшей политической безответственности таких «коммунистов», как Наджми, Тулумбайский и Нигмати.

Тов. **Лябиб Гильманов** назвал на собрании ряд произведений, в той или иной степени пропагандировавших при попустительстве руководства союза контрреволюционный национализм.

Тт. **Мирсай Амир, Муса Джапиль, Мухтар Галяу** и др. говорили о том, что в союзе писателей Татарии до последних дней культивировались рапповские методы «работы». Не случайно руководители союза раболепно заискивали перед Киршоном, дважды приезжавшим в Татарию по заданию правления ССП.

Многие из выступающих товарищей говорили о преступном отношении руководства к молодежи.

Усиленно затирали молодых способных писателей Лябиб Гильманова, Мирсай Амирова, Гизатова и др.

Консультационной работы не проводилось. Присланные рукописи сваливались в кучу; их никто не прочитывал, никто не считал себя обязанным отвечать авторам.

В русскую секцию, об'единявшую исключительно молодежь, члены правления не заглядывали, и там безраздельно хозяйничала троцкистка Гинзбург.

В настоящее время в татарском театре с большим успехом идет пьеса молодого драматурга **Газиза Иделле «Далет Бадриев»,** а ведь эта пьеса смогла увидеть свет только после устранения из литературной организации Гумер Галеева и других врагов народа.

Такое наплевательское, бездушное отношение к молодежи было продиктовано классовым врагом, нагло рассчитывающим на задержку роста татарской литературы.

За это вредительство на литературном фронте несут ответственность в первую очередь руководители союза Наджми и Тулумбайский, а также «главный критик» Г. Нигмати, ничего не сделавший для разоблачения распоясавшихся националистов и троцкистов.

Выступивший с большой речью на собрании писателей секретарь обкома партии т. **Мухаметзянов** совершенно правильно сказал, что руководство союза советских писателей Татарии помогло врагам вести подрывную работу. О революционной бдительности было принято немало декларативных решений, но никакой борьбы с враждебными вылазками в литературе не велось.

Ведь факт, что ни один вредитель в области литературы не был разоблачен писательской организацией, ни одно вредное произведение не было раскритиковано. Исключенному из партии Сайфи была предоставлена трибуна в печати для клеветы на стахановское движение.

В союзе писателей «разоблачали» уже разоблаченных и пытались нажить на этом политический капитал.

— Самое слабое место в союзе советских писателей Татарии — это критика, — говорит т. Мухаметзянов. — Критика у нас не оказалась на высоте. «Признанным» критиком был Гумер Галеев — вредитель в литературе.

Далее, говоря о наличии элементов национализма в самой практике работы ССП Татарии, т. Мухаметзянов сделал правильный упрек:

— Союз советских писателей Татарии превратился в союз советских писателей татар: в его рядах нет ни одного писателя из чуваш, мордвы, марийцев, русских и др. национальностей, проживающих на территории Татарии.

О наплевательском отношении к творческому росту русских молодых писателей говорили члены русской секции тт. **Бубенков, Елизарова, Макаров** и др.

Галимджан Ибрагимов на собрании писателей Татарии не присутствовал — он живет в Крыму, но его имя упоминалось довольно часто. Ибрагимов еще не освободился от националистических настроений, и националисты частенько находили у него поддержку. Это обязывает Галимджана Ибрагимова серьезно продумать и определить свое отношение к таким суб'ектам, как Гумер Галеев и ему подобные.

Выступления обанкротившихся «руководителей» ССП не могли удовлетворить собрание. Чувствуется, что бывшие руководители союза еще не поняли, какой огромный вред при их содействии был нанесен татарской советской литературе. Правда, все они признают совершенные ими ошибки. Даже Кави Наджми, припертый на собрании бесчисленным количеством фактов, смиренно заявил, что критика товарищей и выводы комиссии правильны. Но, признавая формально свои ошибки, все они стараются привести смягчающие вину обстоятельства, подыскивают деликатные формулировки.

В этом отношении особенно показательна речь «профессора» литературоведения Г. Нигмати.

Вся литературно-критическая деятельность Нигмати до сих пор была сплошным извращением. Будучи критиком, он расхваливал исключительно идеологически-порочные и **клеветнические произведения** (Ш. Усманова и др.); выполняя обязанности редактора в издательстве, протаскивал в печать контрреволюционные рассказы Сайфи; составляя учебник по литературе, протаскивал в него отрывки из произведений эмигранта Гаяз Исхаки; состоя в партийной организации, всю свою энергию направлял на защиту троцкиста Гумер Галеева. В прошлом Нигмати — эсер, что тщательно скрывал от партии. Здесь, на собрании, Нигмати пытается прикинуться наивным младенцем и жалобно лепечет о том, что он-де... не окончил никакой политической школы, поэтому в его работе преобладал формалистический метод.

Старался оправдаться и **Тулумбайский,** говоривший о том, что «мы проглядели» классовых врагов потому, что «считали их в основном советскими людьми».

Плохо и неискренне выступали на собрании писатели **Ф. Карим, Файзи, Туфан.** Первый из них изливал личные обиды на то, что его мало печатают, ни словом не обмолвившись о своих идеологически-вредных произведениях; свою связь с Павлом Васильевым Карим об'ясняет «случайностью».

Туфан — автор клеветнической поэмы «Ант» — вообще отвел от себя все вопросы, и ни на один из них не дал членораздельного ответа.

Файзи пустился в «теоретические» рассуждения об «отсталости татарской литературы» и договорился до клеветнического утверждения о том, что «татарская нация вообще отсталая» (?!)

Об «отсталости» культуры в орденоносной, успешно строящей свою социалистическую культуру, Татарии не так давно клеветнически писал Туфан в своей поэме «Лихорадка индустрии». Он доказывал, что социализм можно построить только на Урале, а в Казани для него нет базы.

Эти же реакционнейшие бредни повторяет и горе-коммунист Батрам.

Татарские писатели дали крепкий отпор этим клеветническим высказываниям, а также подвергли суровой бичующей критике выступления бывших «вождей» союза: Кави Наджми, Нигмати, Тулумбайского.

Собрание показало, что большинство писателей Татарии по-настоящему заботится о судьбах татарской советской литературы, что многие из них начинают понимать всю ответственность, которую они несут перед своим народом.

Это собрание должно быть переломным в жизни литературной организации Татарии. Тяжелый урок многому должен научить писателей.

Новое правление (в него вошли: **Л. Гильманов, Ш. Камал, Г. Иделле, Л. Пинхасик, К. Тенчурин, М. Амир, Т. Гиззатов**) обязано создать в союзе новую, здоровую обстановку. А для этого нужно по-настоящему развернуть в организации большевистскую критику и самокритику.

Писатели-коммунисты должны, наконец, заняться партийно-массовой и воспитательной работой среди беспартийных. Совершенно нетерпимо такое положение, когда члены ССП—коммунисты приходят в союз, как гости, считая, что за состояние союза отвечает только правление.

Непонятно, почему при ССП Татарии до сих пор не создано первичной партийной организации. Писатели-коммунисты (14 членов партии и 3 кандидата) разбросаны в семи различных организациях, большинство из которых никакого отношения к литературе не имеет (профсовет и т. п.).

Такое положение приводит к тому, что коммунисты-писатели не работают по-настоящему в союзе, что нет сплоченного коллектива писателей-коммунистов.

Только последним можно об'яснить то, что до сих пор в первичной организации не поставлен вопрос о партийности Кави Наджми — одного из главных виновников развала союза, в то время как Тулумбайский и Нигмати, состоявшие в других организациях, из партии исключены.

Нетерпимо дальше и такое положение, когда всесоюзное правление ССП не только не помогает республиканским организациям, но и не знает, что там делается.

М. КРОТОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1866 г. Запрещение «Современника»

24 (12) мая 1866 г. в «Северной Почте» появилось официальное извещение о привлечении к судебной ответственности редакции «Современника». Майский номер «Современника» был конфискован еще в начале месяца. И вскоре, прежде чем состоялось судебное разбирательство, последовало распоряжение о прекращении выхода журнала.

Запрещение журнала не было неожиданным ни для редакции, ни для читателей.

Еще в январе 1866 г. Некрасов писал Фуксу: «Подписка на «Современник» идет очень тихо. Видно, что боятся подписываться. Каждое почти требование выражает опасение, что журнал будет запрещен».

Безнадежность дальнейшего издания «Современника» стала совсем очевидной после каракозовского выстрела в апреле 1866 г.

«Тот, кто не жил тогда в Петербурге,— рассказывает Г. З. Елисеев, один из ведущих работников «Современника»,— и не принадлежал к литературным кругам или, по крайней мере, не был к ним так или иначе прикосновенен, не может представить той паники, которая здесь происходила. Всякий литератор, не принадлежавший к направлению Каткова, а не принадлежала к тому направлению вся тогдашняя литература, считал себя обреченной жертвой и был уверен, что его eo ipso непременно, потому только, что он литератор, арестуют».

Как известно, эта участь не только не миновала Елисеева, но на его квартире был задержан и Некрасов.

Поводом к возбуждению судебного преследования против «Современника» была статья Ю. Жуковского «Вопрос молодого поколения». Несмотря на то, что Главное управление по делам печати утверждало, будто статья «имеет прямой целью возбудить вражду всех сословий против принципа дворянства», окружный суд не усмотрел в статье никакой крамолы и вынес оправдательный приговор.

Но еще задолго до суда вопрос о дальнейшем издании «Современника» рассматривался 25 (13) мая в Особой комиссии, которая и установила, что «из всех существующих журналов и повременных изданий «Современник» и «Русское слово» принадлежат бесспорно к числу таких, которые постоянно с давнего времени, развивая на своих страницах учение социализма и нигилизма, более прочих способствовали развращению молодого поколения».

Исходя из этого, комиссия признала необходимым «поручить министру внутренних дел ныне же вовсе прекратить издание «Современника» и «Русского слова».

«Современник» был лучшим русским журналом. Впечатление, произведенное на все передовое русское общество запрещением самого популярного журнала, было огромно. «Я не помню давно,— записывает в своем дневнике А. В. Никитенко,— чтобы правительственная мера производила такое единодушное и всеобщее недовольство, как запрещение двух журналов — «Современника» и «Русского слова».

В конце 1866 года вдова Плетнева (купившего «Современник» у наследников Пушкина и сдававшего его впоследствии в аренду Некрасову) обратилась к Александру II с просьбой разрешить ей возобновление журнала. Не считая себя ответственной за деятельность последней редакции, она просила разрешить наследникам пользоваться правом собственности на «Современник» и тем самым «сохранить за семейством Плетнева дар, врученный ему Пушкиным».

Но ненависть царского правительства к «Современнику» была настолько велика, что, не отказывая Плетневой в ее просьбе (это было бы слишком скандально), ей не давали никакого ответа до тех пор, пока она сама не убедилась в безнадежности своей просьбы.

1892 г. Умер Н. Е. Каронин

Сорок пять лет назад, 24 мая 1892 года, умер известный писатель-народник Н. Е. Каронин (Петропавловский). В многочисленных очерках и рассказах, написанных в первой половине 80-х годов, Каронин рисует разложение патриархальных устоев русской деревни.

«Оригинальность Каронина,— отмечал Плеханов,— в том и заключается, что он, несмотря на все свои народнические пристрастия и предрассудки, взялся за изображение именно тех сторон нашей народной жизни, от столкновения с которыми разлетятся и уже разлетаются вдрах все «идеалы» народников. Он должен был обладать сильно развитым художественным инстинктом, должен был очень внимательно прислушиваться к требованиям художественной правды для того, чтобы, не смущаясь собственной непоследовательностью, опровергать в качестве беллетриста все то, что сам же он, наверное, горячо защищал бы на почве публицистики».

Каронин неоднократно подвергался преследованиям царского правительства. В 1874 году он был одним из обвиняемых в «процессе 193-х». В 1881 году он был в административном порядке выслан на пять лет в Сибирь.

В воспоминаниях А. М. Горького большой очерк, написанный с глубокой проницательностью и теплотой, посвящен Каронину. Горький познакомился с ним в 1889 году, когда пришел из Царицына в Нижний. «Знакомство с ним,— пишет Горький, — одно из самых значительных впечатлений юности моей».

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

НЕКУЛЬТУРНО...

В журнале **«Резец» № 3, 1937 г.**, посвященном пушкинским юбилейным дням, помещена статья **В. С. Азарова** под названием **«Отомщенный Пушкин»** (образ Пушкина в стихах советских поэтов). В числе этих советских поэтов упомянут и В. В. Маяковский. Автор пишет следующее о Маяковском: «Юбилейное» Владимира Маяковского принадлежит не только к числу лучших стихов Маяковского, оно является лучшим произведением советской поэзии о Пушкине. Маяковский сумел с большой простотой и силой показать Пушкина, который входит в наше «социалистическое далеко»

«Как живой
с живыми говоря»... и т. д.

Тов. Азаров неверно цитирует Маяковского. Как известно, Маяковский сказал не «социалистическое далеко», а «коммунистическое далеко», причем **сказал он это не в стихотворении** «Юбилейное», а в стихотворении «Во весь голос» (собрание сочинений в 4-х томах, том IV, стр. 358). На той же странице и в том же произведении Маяковского мы найдем и фразу: «Как живой с живыми говоря», хотя т. Азаров почему-то считает, что Маяковский сказал ее в «Юбилейном».

Подобное бесцеремонное отношение «Резца» к Маяковскому совершенно недопустимо для органа союза советских писателей.

М. ФУКСОН
Директор показательного универмага в г. Орджоникидзе

НУЖНЫ КНИГИ О ПИСАТЕЛЯХ

Советская молодежь проявляет все больше и больше интереса к художественной литературе, к ее изучению. Но это законное стремление к более глубокому знакомству с жизнью писателя, с эпохой, в которую он жил и творил, с его произведениями, наталкивается на серьезное препятствие: нет **хорошей** книги, **правильно** об'ясняющей и оценивающей творчество писателя, **последовательно** раскрывающей и правильно **по-марксистски** освещающей основные этапы его жизни и творческой деятельности.

Таково положение о рядом классиков русской литературы (Гоголь, Толстой, Тургенев, Гончаров, Горький), со всей советской литературой.

Почти нет также критической литературы популярного характера о творчестве западных классиков. Нет соответствующей литературы о Бальзаке (кроме книги Сухотина «О. Бальзак, жизнь и литературная деятельность» из серии «Жизнь замечательных людей»), Гюго, Флобере, Золя, Мопассане, Жорж Занд и др. Работа молодежи в связи с этим очень затруднена.

Союз советских писателей и Институт литературы Академии наук СССР должны заняться изданием серии критико-биографических книг о великих писателях.

В таких книгах очень нуждается советская молодежь.

Ник. АНИКИН

Народный комиссариат просвещения РСФСР и Институт мировой литературы им. Горького при ЦИК СССР проводят конкурс на лучший детский рисунок по темам: «Горький, его жизнь и его произведения». Лучший рисунок будет передан в музей Горького. **На снимке:** один из рисунков, присланных на кункурс двенадцатилетним школьником **Колей Алексеевым-Яшиным** (Пешковский с/совет, Знаменский район, Курская область) на сюжет повести М. Горького «Мать».

Наказы драматургов

Завтра в союзе писателей созывается общемосковское собрание драматургов. В повестке дня: сообщение по делу Киршона, Бр. Ясенского и др.; об управлении по охране авторских прав; довыборы бюро секции драматургов.

Новому бюро предстоит выработать план своей будущей деятельности, которая должна охватить все жанры советской драматургии.

В течение последних дней состоялись: актив бюро секции драматургов, собрания авторов самодеятельного театра, киносценаристов, авторов эстрадного репертуара.

На этих собраниях обсуждены конкретные предложения новому бюро секции драматургов.

ДРАМАТУРГИ и ГУК

На собрании актива кинодраматургов снова со всей остротой встал вопрос о возмутительных методах работы ГУК и о недопустимой системе взаимоотношений драматургов и кинорежиссеров.

Снова и снова авторы сценариев негодовали по поводу бюрократизма, неслыханного небрежения к авторским кадрам, издевательского обращения со сценариями.

Месяцами ждут авторы утверждения или отклонения их произведений руководством ГУК. Годами маринуются принятые сценарии. Большая часть их не идет в производство потому, что «нет режиссера», который «хотел бы» их ставить.

Таким образом сценарии, будто бы принятые руководством, фактически бракуются режиссерами.

Как правило, на экранах появляются те картины, режиссер которых в то же время и автор, либо соавтор сценария.

Кинодраматург, отстаивающий право на свое произведение при таких порядках, оказывается «не ко двору» в ГУК. Гораздо «удобнее» автор, который, получив гонорар за свой сценарий, предоставляет его дальнейшую судьбу «соавтору»-режиссеру.

Писатель, пламенно призываемый в кинематографию, на деле оттирается от работы, как только оплачен его сценарий, рассматриваемый как «сырье» для режиссера.

Руководство ГУК не только не пытается разрушить, но культивирует эту деляческую политику, демобилизующую писателя. Оно, повидимому, считает, что советская кинематография может и должна развиваться вне всякой связи с развитием советской кинодраматургии.

Этой вредной политике ГУК союз советских писателей должен противопоставить свою линию, линию непримиримой борьбы с существующим положением.

Таково основное, единодушно выдвинутое предложение кинодраматургов.

Необходимо, чтобы секция драматургов пересмотрела устаревшие оценки и репутации, проверила, очистив от балласта и пополнив новыми силами, ряды кинодраматургов — членов союза писателей.

Хорошие сценарии должны быть взяты под защиту секции, которая должна их отстаивать перед руководством ГУК.

Кинодраматург т. **Смирнова**, поддержанная собранием, считает, что следует предложить новому бюро секции драматургов обратиться через печать **с открытым письмом к т. Керженцеву**, в котором, вскрыв все безобразия, творящиеся в ГУК, потребовать ответа: как и когда им будет положен конец.

В прениях приняли участие тт. **О. М. Брик, О. Леонидов, Эль-Регистан, Б. Л. Леонидов, Ядин, Филимонов, Отен, Ржешевский, Громов, Тарасов, Борис Вишневский, Б. Зорич, Смирнова, Верховский** и др.

«МЫ РАЗРОЗНЕНЫ»

— Эстрадный автор, или, как говорили еще совсем недавно, «малоформист», — эти клички до сих пор не были в большом почете. Многие из нас, пишущих для эстрады, подчас даже стеснялись своей профессии...

— Писатели мы или нет?

— Мы разрознены...

— Когда пишем хорошие вещи, — о нас молчат. Стоит только сделать ошибку, как все громы обрушиваются на наши головы.

Вот заявления участников совещания эстрадных драматургов, в котором участвовало около 60 человек.

На недоуменные вопросы, вроде **«писатели мы или нет?» или «нужна ли наша работа?»**, многие выступавшие правильно ответили, что подобное отношение к эстрадным драматургам несомненно было вызвано искусственными причинами.

Секция драматургов, где вчера еще орудовал Киршон и его приспешники, не уделяла авторам эстрады никакого внимания. Более того, было барское пренебрежение к творцам эстрадного репертуара со стороны авербаховско-киршоновской клики.

Работа драматурга для эстрады нужна и полезна. Это положение в достаточной мере подтверждает практика лучших авторов для эстрады.

Материалы общемосковского совещания авторов эстрады послужат основой при создании плана дальнейшей работы секции драматургов ССП в области эстрадной драматургии.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

ДРУЖЕСКОЕ НАПУТСТВИЕ НОВОМУ БЮРО СЕКЦИИ ДРАМАТУРГОВ

Бразды ослабшие берешь...
Ты знаешь — были тут
«Большие дни», большой дележ,
Бесплатный «Хлеб» и «Страх» и
«Ложь»
И... «Суд».
Вельмож, двурушников, пролаз
Прижал надежный пресс.
Теперь — простого ждем от вас:
Не деклараций и не фраз,
А... пьес!

А. РАСКИН
М. СЛОБОДСКОЙ

О НАРОДНОСТИ И ПСЕВДОНАРОДНОСТИ В ПОЭЗИИ

Обсуждение творчества А. Прокофьева на собрании поэтов

Дискуссия о творчестве Прокофьева — хорошее начало в деятельности нового бюро секции поэтов.

Почти все выступившие на дискуссии поэты заняли правильную позицию в вопросе о принципах народности в социалистическом искусстве и о той части творчества Прокофьева, где эти принципы нарушены. Ярче и полнее всех выразили эту точку зрения **Н. Заболоцкий, А. Сурков** и **И. Уткин.**

Они сумели вскрыть порочность установок, ведущих к имитации народного языка, к стилизации, к механическому воспроизведению синтаксиса, лексикона и образов фольклора.

Стихи, приведенные тт. Сурковым и Уткиным, говорят о том, что Прокофьев, нисколько не теряя присущих ему поэтических особенностей, может дать и произведения, насыщенные большой идеей, волнующие искренним пафосом современности.

Можно не сомневаться в том, что эта линия борьбы за идейное, общенародное искусство против псевдонародной архаики осуществлялась бы Прокофьевым гораздо последовательнее, если бы в ленинградской поэтической среде не господствовала система взаимных амнистий, «дружеских» услуг, успокоительных заверений во всех случаях жизни.

Тов. **А. Гитович** рассказал на собрании о том, как беспринципно многие ленинградские писатели и поэты поддерживают и защищают друг друга, выгораживая честь «землячества».

Неудивительно, что эта среда ориентировала Прокофьева в направлении, совершенно противоположном тому, по которому он должен был следовать. Неудивительно, что и на критику «Комсомольской правды» и собрания московских поэтов Прокофьев реагировал чрезвычайно болезненно.

Поэт страдает от того, что автор статьи в «Комсомольской правде» не проявил «нужной доли уважения» к нему. Можно согласиться с ним, как и с другими товарищами, выступавшими на дискуссии, что резкость и прямота высказываний не всегда обязательно должны соединяться с фельетонной насмешливостью.

Можно согласиться и с тем, что целесообразнее было бы, критикуя бесспорного поэта, говорить не только о его срывах, но и указать ему в его же творчестве те звенья, ухватившись за которые он мог бы скорее освободиться от лженародных концепций и целиком обресть себя как художника.

Но разве в рамках газетной статьи истина должна быть исчерпана до конца? И допустимо ли, из-за недовольства тоном оценки, полностью игнорировать ее существо, как это делал Прокофьев, который больше аргументировал «от обиды», чем от сознания своей правоты.

З. И.

ИЗВЕЩЕНИЕ

25 мая в 7 часов вечера в Доме Союза советских писателей (ул. Воровского, 50) созывается общемосковское собрание жен писателей.

Повестка дня:

1. О шуховщине — доклад О. С. Войтинской.
2. Довыборы совета жен.

Приглашаются товарищи писатели.

НОВОЕ В ЖУРНАЛАХ

«Красная новь»

В ближайшее время выходит, — наконец-то! — **третий** (мартовский) номер «Красной нови», который открывается **«Песней о Сталине»** казахского народного поэта **Джамбула**, в переводе **К. Алтайского.**

Основное место в книжке редакция отвела роману **Вс. Лебедева «Заводы»** — первой части осуществляемой автором книги «Хроника двух заводов».

В романе автор рассказывает о старейших мастерах уральских заводов, «чьи руки столько сотворили дел из чугуна, из железа и стали». Показаны три поколения: дед Петр Наводворов — знаменитый искатель самоцветов; его сын Матвей — старший мастер проката, и внук — молодой советский инженер Сергей Наводворов.

Далеко позади осталось тяжелое дореволюционное прошлое завода. «Верхний завод» радостно празднует свое «второе рождение». Гремят вновь построенные цехи, блестят новые машины. На месте заводского поселка вырастает город. На «Нижнем заводе» строительство только развертывается. Его руководители, во главе с Сергеем Наводворовым, упорно преодолевая трудности, мобилизуют лучшие силы, разоблачают и ловят проникших на завод шпионов и врагов.

В разделе художественной прозы читатель найдет еще рассказ Д. Стонова «Огни», рассказ В. Никифорова «Камилл Демульен», «Рассказы о детях» Р. Акульшина и повесть Б. Вадецкого «Счастливый кошок».

Герой рассказа **Дм. Стонова «Огни»** — матрос Андрей Каплин. Много лет плавал он по одной и той же реке — Дону, на одном и том же пароходе. Ни при каких обстоятельствах не разлучался он со своим судном. Но вот несчастный случай лишает Андрея ноги.

Ужасным казалось Андрею примирение с берегом, который он презирал и ненавидел всю жизнь. Но на деле он и на берегу сумел оказаться полезным своим бывшим товарищам по пароходу.

Автор заканчивает рассказ героическим подвигом Андрея, спасающего любимый пароход.

Небольшой рассказ **В. Никифорова «Камилл Демульен»** рисует зверскую расправу белогвардейцев с двумя, захваченными в плен, артистами красноармейского театра.

Обширен отдел поэзии.

В нем читатель найдет несколько глав из поэмы **Руставели «Витязь в тигровой шкуре»** в новом переводе Г. Цагарели, восемь лирических стихотворений **В. Саянова, Ал. Суркова** — «Из словенских поэтов».

Гвоздем третьего номера «Красной нови» надо признать впервые публикуемые в печати очерки **Оноре Бальзака «Парижские портреты»**, в переводе **Б. Грифцова.**

Это замечательная галлерея образов, нарисованных острым саркастическим пером Бальзака с непревзойденной четкостью и реализмом.

«Министр», «Провинциал», «Нотариус», «Банкир», «Рантье» — все это законченные этюды к его художественным произведениям.

Каждая фраза насыщена ядовитой иронией по адресу буржуазной Франции.

Собранные вместе очерки Бальзака являются яркой социальной сатирой, и их появление в печати представляет бесспорную ценность.

Отдел критики и библиографии сведен в номере всего к одной рецензии **Мариэтты Шагинян** о книге **Павленко «На Востоке».**

«Павленко сделал среди нас, рабочих пера, инженеров душ, большое стахановское дело, — пишет Мариэтта Шагинян, — он перекрыл наши нормы, и мы обязаны подтянуться к новой отметине...»

Из остального материала, печатаемого в третьей книге «Красной нови», которую давно ждет терпеливый подписчик журнала, с увлечением прочтутся заметки **Людвига Маркузе** о героической личности антифашистского писателя **Карла Осецкого.**

«Хозяйственная» деятельность Киршона и К°

Вопрос о «хозяйственной» деятельности В. Киршона, как секретаря драмсекции и как фактического главы управления по охране авторских прав, поднимался не раз. Особенно подробно осветил эту сторону киршоновской деятельности председатель ревизионной комиссии правления ССП т. Ф. Березовский (на собрании московских писателей, обсуждавшем решения пленума ЦК партии) и ряд драматургов, выступивших на собраниях, которые предшествовали выборам нового бюро драмсекции.

Бюджетная инспекция по ревизии управления охраны авторских прав не только подтвердила все эти факты, но выяснила и ряд новых обстоятельств, делающих совершенно необходимым привлечение Киршона и его ближайших помощников к уголовной ответственности.

Установлено, во-первых, что управление — организация, незаконно существующая, нигде даже не зарегистрированная. Распределение сумм, поступавших в управление, производилось в соответствии и с личными симпатиями Киршона, Лернера (директора управления) и других «охранителей» авторских прав.

Широко практиковалась система авансов, ассигнования средств на банкеты, на обмундирование служащих управления, оплату незаконных счетов и т. д. В общую кассу поступали и так называемые «обезличенные» суммы — гонорар за произведения умерших или невыясненных авторов.

Наркомфин СССР утвердил выводы бюджетной инспекции.

По распоряжению прокурора СССР следственный отдел прокуратуры **приступил к расследованию всех материалов** о деятельности Киршона в управлении по охране авторских прав.

День советской поэзии

Центральный парк культуры и отдыха им. Горького, Гослитиздат и союз советских писателей СССР проводят 24 мая «День советской поэзии». Вся массовая работа парка в этот день будет направлена к тому, чтобы показать достижения советской поэзии к двадцатой годовщине Великой Пролетарской Революции.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Считаю ошибкой редакторов то, что в вышедшем сборнике «Песни Красной армии» я назван автором слов песни «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Заявляю, что мной была сделана обработка этого текста. Во всех изданиях Музгиза, (а также и в договоре) всегда обязательно оговаривался этот момент.

Я заявляю протест по поводу того, что в сборнике «Украинская народная песня» автором русского текста песни «Коминтерн» («Заводы, вставайте») назван поэт Анатолий Гидаш, между тем как слова этой песни написаны мной по просьбе композитора Г. Эйслера.

Ошибки такого рода происходят главным образом из-за нежелания редакторов и издательств предварительно согласовывать опубликование той или иной песни с автором. Следить же за всеми изданиями нет никакой возможности, тем более, что, как правило, издательства несвоевременно присылают авторские экземпляры.

Пора положить конец недопустимой небрежности и невниманию, которые ведут ко всякого рода нареканиям и подозрениям по адресу ни в чем неповинных поэтов, работающих над созданием советской песни.

ИЛЬЯ ФРЕНКЕЛЬ

«Литературная газета» (№ 25) в отчете о собрании ленинградских писателей приводит выступления драматурга Д. Щеглова, который утверждал, что я был «личным секретарем» Афиногенова.

Для восстановления грубо нарушенной истины прошу опубликовать: «личным секретарем Афиногенова», как и вообще кого бы то ни было, я никогда не был.

Что касается прочих попутных упреков Д. Щеглова по моему адресу, то этот вопрос я передаю для расследования в бюро драмсекции ССП.

Ал. ТАЛАНОВ.

Стихи и песни о Г. Орджоникидзе

Сборник, изданный «Молодой гвардией», фактически делится на 2 части: в одну вошли стихи, посвященные 50-летию со дня рождения великого пролетарского революционера, в другую — стихи, явившиеся откликом на смерть Серго.

Нужно прямо сказать: составители сборника не отнеслись с должной ответственностью к своей большой и важной задаче. Больше думая, очевидно, о количественных показателях, чем о качестве сборника, они включили в него решительно все, что оказалось в поле их зрения, проявив странную снисходительность даже в отношении явно ученических произведений.

Это особенно отразилось на той части, которая посвящена смерти Серго. Стихи этого отдела в большинстве случаев поражают своей холодностью, банальностью, резонерством, каким-то обезличенным подходом к образу Орджоникидзе. Таковы, например, стихи **М. Комиссаровой.**

Другие стихи редко выходят за пределы стандартных описаний Колонного зала, траурных венков, за пределы жалоб на бессилие выразить свои чувства.

Поверить
Безмерно трудно
Скорбной вести той
(Холендро).

И трудно поверить и страшно
поверить
И больно поверить радиоречи
(Ляндоберг).

Не верю! Прочь печаль!
Он с нами, наш Серго
(Мартынов).

И больно знать, и трудно
верить,
Что мы прощаемся с Серго
(С. Михалков).

Так авторы стихов перепевают и повторяют друг друга, бессильные дать ощущения размеров утраты, понесенной в лице Орджоникидзе, бессильные воскресить черты этого могучего образа. Нет глубокой мысли, преобладают вялые слова, восклицательные знаки, избитые приемы. Иногда встречаются и удивительные по своей безвкусице строки.

Как бесспорную удачу хочется отметить во втором отделе сборника стихотворение **Наири Зарьяна** в переводе **Антокольского.** В нем есть и поэтическая живописность и непосредственное чувство.

Следует вообще указать, что наиболее сильными и впечатляющими в сборнике являются песни, взятые из фольклора советских народов или принадлежащие таким поэтам, как **Сулейман Стальский, Тайжан** (казахский народный певец). В этих строках на первом месте — чувства миллионов, образное обобщение дел, совершенных великим сталинским соратником, задушевная характеристика его как воина, освободителя народов, командарма социалистической промышленности.

...Чудо-машины к Тайжану пришли
Комбайны — могучие корабли —
Гордо плывут в степном океане...
Кто-ж позаботился так о Тайжане?
Кто же сказал, чтоб ему Сар-Дала
Сокровища недр своих отдала?
Кто же сказал, чтобы Эмба открылась,
Нефть драгоценную щедро разлила?
Кто же сказал, чтобы тайны Алтая
Тайжану открыла гора золотая?
Кто же сказал, чтобы радость кипела?
Кто же сказал, чтобы степь молодела?
Кто же сказал, чтоб в края Джез-Казгана
Пришли инженеры и внуки Тайжана?
Кто же сказал, чтоб в балхашские воды,
Как лебеди счастья, пришли пароходы?
Знает Тайжан человека того,
Зовут человека — любимый Серго...

С этими искренними строками ни в какое сравнение не могут итти бледные, вымученные стихи людей, подвизающихся на поприще поэзии, как «ловцы минут». С большой убедительностью встает образ вождя и в поэме Сулеймана Стальского, написанной к 50-летию Орджоникидзе и довольно уже популярной в стране. С этими стихами перекликаются чудесная, полная мудрости и юмора песня кабардино-балкарских народных певцов **Казиева, Сижажева и Шогенова** (перевод Д. Бедного), песни ингушского, осетинского, чеченского и других народов. Это не холодные версификаторские упражнения, а настоящая лирика, идущая от большого чувства, от глубокого понимания роли того человека, в честь которого эти песни сложены.

Но, к сожалению, таких произведений в сборнике относительно мало. Крайне досадно видеть рядом с ними беспомощные вирши вроде тех, которые мы процитировали. Имеются неряшливости и в стихотворении **А. Безыменского** «Песня славы», написанном в обычной для поэта риторической манере. Допустимо ли, например, выражаться следующим образом:

Дышишь ты,
великий и простой,
Самой большевистскою на свете,
Самой человечьей
прямотой.

Что значит «дышать прямотой»? И что это за мера «самая большевистская»? Здесь никаких дозировок быть не может: большевистская есть большевистская, — и этим все сказано. Но Безыменскому это определение полюбилось и он его упорно повторяет пять раз в одном стихотворении.

Издана книга, очевидно, наспех. В рецензируемом экземпляре не обошлось и без перепутанных страниц: в текст кабардино-балкарской народной песни врывается ингушская, а в текст ингушской песни — поэма С. Стальского и т. п. (контролер № 11).

Неужели нельзя было внимательнее выполнить хоть эту часть работы?

Я. ЭЙДЕЛЬМАН.

Любимый Серго. Стихи и песни о Г. К. Орджоникидзе. «Молодая гвардия». 91 стр. Цена 1 р. 1937 г.

Ответственный редактор **Л. М. СУБОЦКИЙ.**
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполном. Главлита В—26127.

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.